
ДАРЬЯ ВЕНСАН
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИГРУШКИ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Дарья Венсан

История одной игрушки

https://litres.ru/74895938
SelfPub; 2026

Аннотация

В мире бессмертных всё имеет свою цену. Даже свобода.

Хлоя родилась в одной из самых влиятельных семей, где чужие ожидания значат куда больше собственных желаний. Её будущее давно предрешено, а право распоряжаться своей судьбой кажется несбыточной мечтой. Академия бессмертных должна была стать для неё началом новой жизни. Местом, где впервые за тысячи лет можно самостоятельно принимать решения, совершать ошибки и наконец почувствовать себя свободной. Но у свободы оказываются свои ловушки.

Аристарх — дерзкий, самоуверенный бессмертный, для которого чужие чувства не более чем увлекательная игра. Он не верит в любовь, не признаёт слабостей и привык сам устанавливать правила.

Их встреча становится началом опасного противостояния, в котором гордость сталкивается с желанием, доверие — с обманом, а чувства постепенно выходят из-под контроля. Хлоя мечтала перестать быть пешкой в чужих руках. Но сумеет ли не стать игрушкой того, кому однажды доверит собственное сердце?

Содержание

Плейлист 4
Глава 1. Рутина, что так утомляет 6
Глава 2. Птенчик 30
Глава 3. Бал игрушек 63
Глава 4. Битва за свободу 88
Глава 5. Красная комната 113
Конец ознакомительного фрагмента. 128

Дарья Венсан
История одной игрушки

Плейлист

Sam Tinnesz — Play With Fire
PHARAOH & I61 — 1-800-Siemensixone
Arctic Monkeys — Crying Lightning
Dmitri Shostakovich — «Вальс №2» (из сюиты для эстрадного оркестра)
Skillet — Burn It Down
BRKN LOVE — Buried
Halestorm — Bad Romance (Lady Gaga cover)
Dorothy — I Come Alive
Montell Fish — Hotel (TikTok remix / sped up)
Smilin'Man — Let Me Show
Pop Evil — Torn to Pieces
JLX, Blood Red Shoes — Back From The Dead
State of Mine — In The Air Tonight
Saint Vice — GOOD GIRL
Bassnectar feat. Mimi Page — Butterfly
Boston Manor — Bad Machine
The Pale White — That Dress

King's Crows — Rise Up
Eminem, Gwen Stefani — Kings Never Die
Ridgeclub — do i clench my fists? (slowed + reverb)

Глава 1. Рутина, что так утомляет

Двери захлопываются. Жадно вдыхаю свежий воздух, которого так не хватало последние несколько часов. Дышу глубоко, почти до боли в лёгких. Летняя вечерняя прохлада касается разгорячённой кожи, поднимая по ней мурашки. Наконец вокруг тишина. Никаких чужих глаз, никаких лишних ушей. Шумная тусовка остаётся где-то позади; оттуда едва долетают грохот музыки и всплески компанейского смеха. Я так устала от всего этого… Последние дни слились в одну бесконечную череду вечеринок. Беззаботных, безобидных — и почему-то выматывающих сильнее любой адской рутины.

Смотрю ему в спину и гневно выплёвываю:

— Ты знал, что вёл себя как кретин?

Едва перевожу дыхание, смахивая с лица прилипшие пряди. Останавливаюсь на лестнице и опускаюсь на одну из ступеней, всем видом показывая, что дальше за ним не пойду. Мне надоели эти игры. Волосы слиплись от пота, под глазами растеклась тушь — сейчас я больше всего напоминаю измученную панду. Ноги едва слушаются. Я обессилена, обезвожена и до отвратительного уязвима. Потрёпанная кукла, которой наигрались и бросили. А ему, кажется, совершенно всё равно.

— Да, моя милая, — приторно проговаривает Аристарх,

чуть прищурившись. Его ухмылка привычно бьёт куда-то под рёбра. Светлые глаза на секунду цепляются за мои, и от этого взгляда становится только хуже. Этот мерзавец умеет причинять боль даже тогда, когда просто смотрит на меня. Особенно тогда, когда смотрит именно так.

Неужели? В самом деле?.. Не выдерживаю и усмехаюсь из последних сил. Внутри всё переворачивается, меня мелко трясёт, и холод здесь ни при чём. Скрещиваю руки на груди. Нет. Так больше продолжаться не может. Я не позволю ему обращаться со мной как с вещью. Вставляю сигарету между губ и щёлкаю пальцами. На кончике указательного вспыхивает пламя. Прикуриваю и жадно затягиваюсь дымом, обманывая себя мыслью, что сейчас станет легче. Всегда считала слабыми тех, кто ищет спасения в этой дурной привычке. Забавно, что я даже не заметила, когда сама оказалась среди них.

— Я хочу выйти из этой игры. Геймплей наскучил, — произносит метис, прикусывая нижнюю губу и виновато отводя взгляд. *Это моя фишка, сукин ты сын…*

Пользуюсь моментом и оглядываю Аристарха с ног до головы. Тёмные волосы растрёпаны после вечеринки и падают на лоб беспорядочными прядями; под ними слишком светлые серо-голубые глаза кажутся почти холодными. Резкие скулы, насмешливая линия рта, чёрная одежда — всё в нём будто нарочно собрано так, чтобы раздражать и притягивать одновременно. За спиной сложены крылья метиса: тёмные,

почти чёрные, но отдельные перья отливают серебром в тусклом свете. До чего же он… притягателен. Ненавижу. Ненавижу это его обаяние и то, как легко оно каждый раз выбивает у меня почву из-под ног. *«Геймплей наскучил…» — да что ты знаешь о серьёзных играх, мальчик?* Я молчу. С губ Аристарха срывается короткий нервный смешок, будто следующие слова он успел несколько раз проговорить про себя, прежде чем решился сказать вслух:

— Ты больше не моя игрушка, Хлоя. Прости.

***

До всего этого стоило мне лишь заговорить об Академии бессмертных, как я неизменно слышала одно и то же: мне это не нужно, это не для меня.

— Но… — возмущённо тяну, всё ещё надеясь хоть как-то повлиять на услышанное.

— Хлоя, — мягко произносит мама. Она смотрит так нежно и заботливо, будто пытается заглянуть куда-то глубже моих слов. Невольно задерживаю на ней взгляд. Те же серые глаза, похожая линия скул — в её лице слишком много знакомого, чтобы долго злиться. — У Майли ветер в голове. Ей академическая программа необходима.

Мама берёт меня за запястье и большим пальцем поглаживает тыльную сторону ладони, словно это может сделать её слова менее обидными:

— Твой потенциал не нуждается в Академии.

— Мне перевалило за три тысячи, мама! — Обиженно

высвобождаю руку. Для смертных эта цифра звучала бы как древность, но бессмертные взрослеют иначе. По нашим меркам я лишь переступила порог взрослой жизни; на Земле мне по внешности дали бы около двадцати четырёх. Только вот за свои три тысячи я успела стать правой рукой Ареса и возглавить Зал Осуждения, но так и не успела научиться самому простому. — Я всё ещё не знаю, каково это: дружить… любить.

Отвожу взгляд. На глаза наворачиваются слёзы, и я торопливо прячу их, пока мама не заметила. Я устала. Хочу быть как большинство бессмертных: учиться в Академии, ошибаться, спорить с наставниками, падать и взлетать, любить и… ненавидеть? Хотя бы иметь право самой узнать, что из этого мне подходит.

Решение родителей не даёт покоя. Почему Майли можно, а мне — нет? Почему для неё Академия — необходимость, а для меня — прихоть? Мне хочется провалиться сквозь землю от этой вопиющей несправедливости, но толку от жалости к себе немного. Вернее, никакого.

Скоро в Академии каникулы. Мне бы увидеть Майли, но даже это нельзя. Родители навещают её сами, а после пересказывают мне академические истории, словно невзначай сыплют соль на рану. Я люблю сестру до безумия, и именно поэтому без неё особенно остро чувствую одиночество. В детстве нас было не разнять. Теперь между нами будто выросла стена, которую я даже не понимаю, как перелезть.

По рассказам Майли я давно могла бы нарисовать Академию с закрытыми глазами: массивные корпуса из светлого и тёмного камня, высокие арочные окна, галереи, соединяющие учебные башни, открытые полигоны, где бессмертные часами отрабатывают полёт и защитные техники. Над всем этим возвышается Бастион — строгая административная часть комплекса, откуда Совет управляет внутренней жизнью Академии, её ресурсами и политическими решениями. Я ни разу не видела всё это собственными глазами и всё равно знала некоторые коридоры лучше, чем половину дворца Ареса. *Смешно*. Чужие воспоминания стали для меня почти родными.

Около двух тысяч лет назад

Майли неуклюже догоняет меня и с разбега падает в объятия. Мы смеёмся без остановки и корчим друг другу рожицы, будто соревнуемся не в беге, а в самом нелепом выражении лица:

— Хлоя! — Майли сверкает серо-голубыми глазами и широко улыбается. Между маленькими молочными зубами мелькают едва заметные щербинки. Тёмные каштановые волосы выбились из аккуратной причёски и прилипли ко лбу. — Ты будешь самой красивой девочкой в Академии!

Улыбаюсь сестре в ответ. У меня детская улыбка уже понемногу меняется: на месте выпавших молочных зубов успели вырасти постоянные. Рядом со мной Майли всё ещё кажется совсем малышкой, хотя разница между нами никогда

не ощущалась такой уж большой. Пока другие братья и сёстры способны перессориться из-за любой мелочи, мы с Майли делимся всем. Я старшая — значит, должна быть рядом, помочь, прикрыть, если понадобится. Для меня это всегда казалось таким же естественным, как дышать.

— Только после тебя, малышка, — смеюсь я. — Побежали наперегонки?

— Кто последний, тот в Академии не нуждается! — Майли вскакивает и готовится к старту. — Он и так проиграл!

Усмехаюсь и встаю в стойку.

На старт…

Пальцы сильнее сжимаются в кулаки.

Внимание…

Невольно щурюсь. Перед глазами — только дальняя стена в конце коридора.

Марш!

Майли срывается с места и несётся изо всех сил, будто у дальней стены её ждёт не простая победа, а целый ящик модных кукол, которыми папа любит заваливать нас по праздникам. Тёмно-каштановые волосы разлетаются вокруг лица, но сестра даже не замечает. Я могла бы обогнать её за несколько секунд. Вместо этого понемногу сбавляю шаг. Я выше на целую голову и бегаю быстрее — так какой смысл отнимать у неё эту маленькую победу? Она ведь потом мне жизни не даст.

— Я выиграла! — ликует Майли, первой касаясь стены.

Она поворачивается ко мне, и в широкой улыбке снова показываются маленькие молочные зубы. — Хлоя, я поступлю в Академию!

Я улыбаюсь ей в ответ. Тогда мне ещё казалось, что вслед за ней туда обязательно попаду и я.

***

Зеркало возвращает мне привычное лицо. Длинные русые волосы с тёплым светло-каштановым оттенком рассыпаются по плечам, почти растворяясь в бледном свете за окном. Серо-зелёные глаза смотрят спокойно — слишком спокойно для той, кто несколько минут назад едва не расплакалась перед матерью. Высокие скулы, прямой нос, пухлые губы и тёмная родинка слева над верхней губой — всё знакомо до последней черты. Только сегодня отражение почему-то кажется чужим. За спиной медленно расправляются огромные перьевые крылья насыщенного лилово-малинового оттенка. Слишком яркие для Ада. Слишком живые для той монохромной брони, в которую я привыкла себя запирать.

Академия мне, видите ли, не нужна. Зато холодный рассудок без дипломов, полигонов и наставников оказался достаточно хорош, чтобы отец когда-то предложил меня Аресу. Родители решили, что старшей дочери незачем тратить годы на обучение, когда перед ней уже открывается политическая карьера. Теперь я — дочь высокопоставленного демона Маммона, правая рука Ареса и главнокомандующая Залом

Осуждения. Звучит впечатляюще. Ещё впечатляюще звучит то, сколько бессмертных готовы отдать что угодно за такую власть. Только никто почему-то не предупреждает, как быстро власть превращается в рутину.

Любой другой демон продал бы душу ради моей должности. Интересно, согласился бы он, узнав, что вместе с ней получает вечное заточение в одном и том же мире? Ад огромен — не подземная пещера и не бесконечная камера для грешников, а целая реальность, сравнимая с Землёй. За дворцовыми стенами тянутся города из тёмного базальта, мосты переброшены через глубокие раскалённые ущелья, дальние кварталы и крепости тонут в багровой дымке. Между ними уходят в неизвестность дороги, по которым мне почти никогда не приходится ездить. Из моего окна видно лишь часть этой громадины: сухой жар, способный за мгновения обжечь смертного, беспокойное чёрное небо и огненно-красные облака. Солнце здесь не нужно — его заменяет пламя, будто просачивающееся сквозь трещины самого небосвода. Оно не согревает, лишь напоминает, что прохлада в этих краях почти роскошь. И никакого привычного горизонта: пространство растворяется в красноватой мгле. Здесь не бывает ни дня, ни ночи. Только бесконечное продолжение одного и того же. Как же здесь, чёрт возьми, скучно. Не понимаю, от чего — или от кого — так усердно прячут меня родители. Время мирное. А мне до дрожи хочется увидеть хотя бы другую часть собственного мира.

— Хлоя, тебя вызывает Арес, — спокойный женский голос вырывает меня из мыслей. В дверном проёме стоит Каролина: длинные прямые чёрные волосы, красные глаза, безупречно собранное чёрное платье и сложенные за спиной тёмные крылья. И как только я не услышала её стука?.. — У Пограничных Врат ждут новоприбывшие.

Раздражённо вздыхаю, накидываю тяжёлый чёрный плащ из фактурной кожи, освобождаю волосы из-под воротника и направляюсь к выходу.

— Благодарю, Каролина!

Жена Ареса всегда вежлива со мной. Она дружит с мамой и искренне восторгается моей работой — иногда даже больше, чем я сама. Особенно больше, чем я сама. Мне бы расширять кругозор, видеть новые места, наконец выбраться за пределы привычной части Ада, а вместо этого каждый день повторяется почти до мелочей.

И всё же стоит мне выйти в коридор, как привычная маска возвращается на место. Спина прямая, подбородок чуть выше. Каблуки кожаных ботфортов звонко отбивают шаг, и разговоры вокруг один за другим стихают. Кто-то отступает к стене, кто-то склоняет голову, кто-то торопливо отводит взгляд. Охрана открывает тяжёлые металлические двери ещё до того, как я успеваю приблизиться. Здесь не нужно напоминать, кто я. Достаточно пройти мимо.

За дверями Арес сидит за массивным столом так расслабленно, будто весь Ад существует исключительно для того, чтобы не давать ему скучать. Серебристые волосы зачёсаны назад небрежнее, чем позволил бы себе любой другой правитель, а красные глаза смотрят из-под чуть опущенных век с ленивым превосходством. Чёрный костюм с тёмно-бордовыми лацканами выглядит дорого, но его главным украшением всё равно остаётся выражение лица — вечная полуусмешка бессмертного, который уже знает, чем закончится разговор, и заранее этим развлекается.

— Господин, — произношу я, опускаясь на одно колено. Кожа чёрных перчаток тихо хрустит на сжатом кулаке. — Вызывали.

Арес усмехается. Я давно научилась считать это приветствием. С Люцифером, правда, подобные любезности работают иначе: собственному сыну правитель Ада куда охотнее раздаёт язвительные замечания, чем должности и похвалу.

Поднимаюсь, расправляю плечи и, едва заметно встряхнув крыльями, встречаюсь с Аресом взглядом.

— Нужно принять очередную порцию бывших смертных, — произносит он, кивая в сторону Пограничных Врат. — И да, тут завалялось письмо для тебя.

Арес роется во внутренних карманах пиджака, а у меня на несколько секунд будто отключаются все остальные мысли. Я раз за разом отправляю обращения в Бастион, спрашиваю о свободных местах в Совете, прикладываю ведомости и ре-

комендации — и раз за разом получаю тишину. Бастион отвечает за инфраструктуру Академии и её внутреннюю политическую силу: назначения, ресурсы, безопасность, реформы. Если родители не собираются пускать меня туда ученицей, место в Совете остаётся едва ли не единственной законной лазейкой из-под прямого подчинения Аресу. Значит ли письмо, что наконец появилось место? *О, милостивый Элохим…*

Протягиваю руку к большому обугленному конверту. Алая печать с эмблемой Бастиона надёжно скрывает то, ради чего я готова забыть даже о новоприбывших в Зале Осуждения. Пальцы уже почти касаются бумаги, когда Арес отдёргивает руку.

— Но-но, — произносит он, сдвигая сигару к уголку рта. — Сначала идеально проделанная работа, а уже потом свои прихоти.

Каждое слово он отчеканивает с той ядовитой издёвкой, которая особенно хорошо удаётся только Аресу, а затем выпускает мне в лицо клуб дыма. Морщусь и отмахиваюсь от едкого запаха. Спорить бессмысленно. Разворачиваюсь на пятках и иду к Залу Осуждения, заставляя себя вернуться в рабочее состояние. За стенами кто-то кричит — я даже не поворачиваю головы. Если останавливаться на каждом крике в Аду, до работы никогда не доберёшься. Стража склоняет головы, когда я прохожу мимо. Дальше тянется длинный тёмный коридор — единственное место здесь, где воз-

дух способен хоть немного холодить кожу. Пахнет сыростью, мокрым камнем и металлом. При каждом моём шаге на стенах один за другим вспыхивают бездымные факелы. За спиной размеренно шагают стражи. Цоканье моих каблуков и шелест кожаного плаща давно стали для этих коридоров таким же привычным звуком, как чужие крики.

В конце коридора открывается Зал Осуждения — не самый огромный зал Ада, но достаточно большой, чтобы чужой страх успевал разрастись в нём до размеров катастрофы. Он вырублен в чёрном камне и устроен почти как амфитеатр: внизу лежит круглая площадка для новоприбывших, окружённая ступенчатыми проходами и тяжёлыми решётками, а над ней нависает второй уровень с длинным балконом. Балкон держат две широкие колонны, изъеденные временем и влагой; между трещинами пробиваются тонкие красноватые жилы минерала, которые в полумраке кажутся засохшей кровью. В глубине зала вода без конца падает с каменных сводов, и каждый удар капли о пол возвращается многократным эхом. Высокие арки теряются во мраке, цепи на стенах едва покачиваются от сквозняка, а свет факелов никогда не добирается до потолка.

Здесь бывшие смертные узнают, что будет с ними дальше. Если приговор однозначен, душа отправляется на Небеса или в Ад и получает новую бессмертную природу — ан-

гела или демона. Тем, кого рано определять окончательно, я могу дать шанс на Академию: туда они попадают Безликими и лишь со временем выясняют, к какой из двух рас принадлежат. Спорные души отправляются в Сад Адама и Евы — нейтральное место, не принадлежащее ни Небесам, ни Аду, где они ждут повторного решения. А тем, кому не положено ни новой жизни, ни отсрочки, остаются камеры. Решение зависит от прожитого пути, поступков, мотивов и того, что душа способна сделать со вторым шансом. Правила суровы. Спорить с ними бесполезно. Таков порядок.

Моё место — наверху, в тяжёлом судейском кресле с костяной резьбой, поставленном в самом центре балкона. За ним полукругом расходятся чёрные каменные панели с выбитыми символами старых приговоров, а по обеим сторонам вниз уходят узкие лестницы, закрытые решётками. Когда-то я принесла сюда пурпурную подушку: не ради красоты, а ради спасения собственного седалища после нескольких часов суда. На втором уровне относительно безопасно, хотя особенно отчаянные смертные порой пытались карабкаться по колоннам, чтобы добраться до той, кто вынес им приговор. Поэтому по обе стороны от меня всегда стоит охрана. Тех, кто решается напасть, отправляют в камеры, где один и тот же кармический кошмар повторяется снова и снова. Души быстро сходят с ума и начинают молить о пощаде. Ад вообще умеет быть изобретательным. Мы пытаем и мучаем, но не убиваем — мёртвых, как ни странно, убивать уже поздно.

В центре зала на коленях ждут новоприбывшие. Неизвестность уже делает половину работы за нас. Кто-то мечется нагишом из стороны в сторону и без остановки читает молитву, кто-то рыдает навзрыд, кто-то сидит неподвижно, будто сил на страх уже не осталось. Последних я обычно выслушиваю первыми.

— Благодарю, — киваю охраннику, который придерживает подол моего плаща, пока я усаживаюсь в костяное, чёрт его побери, кресло. Снимаю перчатки и кладу их точно на левый угол стола. Маленький ритуал, который я соблюдаю уже не первую сотню лет: смертных я сужу голыми руками. — Можно начинать.

Стража молча кивает. Следом зал пронзает низкий протяжный гул, похожий на рёв кита. Этот звук не спутаешь ни с чем: он проходит сквозь тело и будто вибрирует внутри костей. Для новоприбывших он становится первым настоящим доказательством того, что прежняя жизнь закончилась. «За какие грехи я здесь?» — почти всегда читается на их лицах ещё до того, как кто-то успевает открыть рот.

Когда гул стихает и сотни глаз устремляются на балкон, я поднимаю руку. Зал постепенно замолкает.

— Добро пожаловать, новоприбывшие, — произношу властно и холодно. — Вы находитесь в Зале Осуждения. Здесь будет определена ваша дальнейшая судьба. Кто-то покинет этот зал ангелом, кто-то — демоном. Кто-то отправится в Академию Безликим. Для спорных случаев существует

Сад Адама и Евы. А тем, кто не заслужил ни одного из этих путей, придётся познакомиться с Адом значительно ближе.

Внизу мгновенно поднимается волна криков. Вопли, всхлипы, чей-то хриплый рёв. Страх. О, как же легко они до него доходят. Никто не решается заговорить со мной без разрешения: подобная дерзость считается нарушением устава и редко делает приговор мягче. Обычно достаточно посмотреть на того, кто всё-таки рискнул, чтобы остальные снова вспомнили о правилах.

Из толпы моё внимание привлекает темноволосая девушка. Она уверенно делает несколько шагов вперёд, но глаз на меня не поднимает. Запястья окованы тяжёлыми кандалами. Такие цепи появляются у тех, чья смерть напрямую связана с собственным разрушительным выбором: самоубийством, передозировкой, сознательным риском. Это ещё не приговор и не моральная оценка — только отметка для суда.

В свете факелов её кожа кажется почти белой. Длинные чёрные волосы ложатся на цепи, сложенные у живота, а по рукам тянутся татуировки — цветы, ломаные линии, странные символы, будто она всю жизнь пыталась записать собственную историю прямо на коже. Лицо молодое, красивое какой-то болезненной, небрежной красотой; под глазами залегли тени. На татуировках я и задерживаю взгляд.

— Натали Бруно, — представляется девушка, по-прежнему не глядя на меня.

Хорошо. Значит, хотя бы основы ей известны. В Зале

Осуждения опущенный взгляд считается знаком уважения к судье — и даёт подсудимому больше шансов быть выслушанным до конца.

— …Наркоманка. Врачи не раз боролись за мою жизнь, но в этот раз не успели. Жила скромно, писала картины и продавала их за гроши. На собранные деньги покупала наркотики — и так по кругу…

Уголок губ невольно ползёт вверх. Постукиваю ногтями по костяному подлокотнику.

— Пребывая в коме, ты уже была здесь, не так ли? Иначе откуда знаешь, что представляться нужно первой?

Она наконец поднимает голову. Вот оно. Мелькнувшее в серо-голубых глазах удивление подтверждает догадку лучше любого признания. За тысячи лет я научилась замечать такие мелочи: паузу на полсекунды дольше, слишком тщательно подобранное слово, взгляд, ушедший в сторону раньше ответа. Одни действительно раскаиваются. Другие надеются перехитрить меня. Натали пока скорее наивна, чем опасна. И совсем юна — на вид едва ли старше двадцати смертных лет.

— Мой друг рассказывал об этом месте однажды — то ли во сне, то ли в коме, уже не вспомню, — отвечает Бруно, медленно кивая. — Но вы, мисс, безусловно, правы.

Откидываюсь на спинку кресла и слегка склоняю голову набок.

— И кто же твой друг?

Натали медлит. Вижу, как она взвешивает ответ и пыта-

ется понять, не сделает ли имя друга её положение ещё хуже.

— Дени, мисс. Он…

— Довольно, — обрываю её, поднимая руку.

Натали послушно замолкает. Напряжение вокруг неё почти ощутимо — будто воздух стал плотнее.

— Я знаю его.

Когда-то Дени так же стоял внизу и ждал моего решения. Смышлёный, дерзкий, с характером — один из немногих, в ком я действительно увидела шанс. Тогда у него были короткие тёмные волосы, слишком ясные голубые глаза и привычка улыбаться именно в тот момент, когда следовало бояться. Я отправила его в Академию Безликим. Позже он определился как ангел; белые крылья подошли ему почти раздражающе хорошо. Теперь Дени служит хранителем Пограничных Врат — системы переходов, которая разделяет Небеса и Ад и одновременно не позволяет миру бессмертных бесконтрольно смешиваться с Землёй. Не каждый смертный получает окончательный ответ сразу. Именно поэтому существуют и Академия, и Сад Адама и Евы.

— Отправьте её в Академию. Безликой, — приказываю стражникам у двери.

Бруно вскидывает на меня глаза. Благодарность буквально написана у неё на лице, и я вижу, как она уже собирается что-то сказать.

— Следующий!

Долгие разговоры в моей работе опасны не потому, что

мне нечего сказать. Наоборот. Иногда среди тысяч душ попадается кто-то, с кем я могла бы проговорить часами, — а потом приходится напоминать себе, что я здесь не ради дружбы. Натали как раз из таких. Уверена, Дени будет рад увидеть её среди Безликих. Иногда я позволяю себе маленькие послабления. В рамках допустимого, разумеется. Остальные быстро сливаются в привычную вереницу лиц и историй. Я успеваю зевнуть, проверить маникюр и в который раз подумать: как же всё это однообразно.

— …Уведите его с глаз моих. В камеру, — устало приказываю очередному лжецу. Стража хватает смертного под локти и тащит к вратам. Он упирается, брыкается, сипло ругается, но сожаления в его глазах нет ни на каплю. Уже у самых дверей мужчина вдруг расплывается в хитрой улыбке и бросает через плечо:

— Однажды тебе попадётся тот, чьи уловки ты будешь глотать одну за другой!

Усмехаюсь. Сколько таких проклятий и пророчеств я слышала от тех, кому не понравился собственный приговор? Врата с грохотом закрываются. Перевожу взгляд на оставшихся и киваю следующему.

— Говори.

Подпираю подбородок ладонью. Голова уже гудит от чужих признаний. Большинство сегодня прожили жизнь так, будто у них впереди было ещё несколько запасных: ничего не меняли, ни к чему не стремились, собственные ошибки по-

вторяли по кругу. Бруно хотя бы пыталась что-то создавать между провалами в зависимость. Кто знает, что ждало бы её на Земле, останься она жива? Может быть, картины. Может быть, семья. Может быть, Дени однажды стал бы для неё кем-то большим, чем друг. Странно, но именно эта мысль цепляет меня сильнее остальных.

— Госпожа, — следующий смертный склоняется передо мной. — Вильям Эрнст. Умер от болезни, так и не познав настоящей любви за эту жизнь.

Сонливость исчезает. Подаюсь чуть вперёд, и перья за спиной едва слышно шуршат друг о друга.

— Я любил одну женщину несколько лет. Искренне. Но нам так и не удалось встретиться вживую. Во время болезни дети забрали меня в другой город. Они думали, что так будет лучше, а в итоге не оставили нам ни единого шанса хотя бы попрощаться.

На несколько секунд забываю о следующей сотне душ. Каково это — любить кого-то и ни разу не коснуться? Платоническое чувство может быть сколько угодно чистым, но тело всё равно просит тепла, близости, иногда — простого животного желания. Вильям прожил с этой любовью несколько лет и умер, так и не узнав, какой она могла бы стать за пределами слов. Почему-то от этой мысли становится не по себе. Я ведь и слов-то таких о себе сказать не могу.

— Я не могу оставить тебя здесь, — произношу, встречаясь с его испуганным взглядом. — Отправлю тебя в Ака-

демию. Безликим. В обычную учебную программу тебя, конечно, не посадят вместе с юнцами — Бастион подберёт отдельный курс.

Задумчиво отвожу взгляд. С такими смертными сложнее всего: опыт у них огромный, а место в новом мире приходится искать заново. Но Вильям десятилетиями преподавал высшую математику. В Академии хватает бывших смертных, которые после определения стали уважаемыми наставниками, — значит, и у него есть шанс.

— Вижу в тебе потенциал, Вильям, — говорю мужчине, сложившему руки в мольбе. — Ты несколько десятилетий преподавал высшую математику в академии и, судя по всему, действительно жил этим. Для начала освоишь правила мира бессмертных и местные дисциплины. Дальше Бастион решит, где пригодятся твои знания. Не подведи меня.

— Слушаюсь, моя госпожа!

Сдержанно улыбаюсь и киваю стражникам. Через мгновение они вызовут водоворот и отправят Вильяма в место, которое я упорно продолжаю считать самым чудесным во всём мире бессмертных. Хотя бы потому, что там учится Майли.

Я впервые за всё сегодняшнее заседание не смотрю на часы.

После Вильяма остаётся ещё несколько душ. Когда последний приговор наконец вынесен, потираю виски и поднимаюсь. Охранники привычно придерживают тяжёлый подол плаща, чтобы тот не зацепился за костяное кресло. Будь он

неладен.

На ходу натягиваю перчатки. За сегодняшний день через меня прошло почти две тысячи душ. Почти две тысячи чужих жизней, ошибок, оправданий и просьб о пощаде. Поначалу такая работа казалась мне почти захватывающей. Теперь она просто выжимает досуха.

Врата Зала Осуждения закрываются за спиной. Очередной день окончен. И завтра всё повторится: на Земле снова кто-то умрёт, поток новоприбывших снова пройдёт через Пограничные Врата, а я снова буду решать, кому стать ангелом, кому демоном, кому отправиться в Академию Безликим, а кому ждать повторного решения в Саду. Иногда я всё-таки думаю: справедлива ли система, в которой столько судеб зависят от одного судьи? Арес проверяет мои отчёты, но само решение в момент суда остаётся за мной. Власть, о которой другие мечтают, порой ощущается как слишком тяжёлый груз.

— Хлоя, — окликает меня Арес.

Останавливаюсь и жестом отпускаю охрану. Арес редко обращается к кому-то по имени. Каролина — исключение; Люциферу куда чаще достаётся сухое «сын мой» или что-нибудь похуже. Со мной он соблюдает дистанцию. Возможно, потому что я не даю повода её нарушать. Возможно, потому что Маммон — его древний друг.

— Должен тебя поблагодарить за выполненную работу.

Улыбаюсь устало и чуть натянуто. От Ареса такая похва-

ла почти равна награде. Зал Осуждения выматывает сильнее любой физической нагрузки. Системной боевой подготовки мне всегда не хватало: родители предпочли моей учёбе в Академии политическую карьеру. Поэтому иногда я сама гоняю себя до изнеможения — пусть не как выпускник полигона, зато достаточно, чтобы вечером упасть на кровать и не успеть подумать, насколько однообразной стала моя жизнь.

— Одиннадцать отправлены в Академию Безликими. Семьсот четырнадцать — на Небеса. Девятьсот восемьдесят два — в Ад. Тридцать пять — в Сад Адама и Евы. Шестнадцать — в камеры, — подводит итог Арес.

Почти тысяча восемьсот за одно заседание. Даже для меня немало. Я никогда не считаю их по ходу суда — иначе цифры быстро начинают вытеснять лица. Арес знает, на что я способна, и обычно на этом разговор заканчивается. Но сегодня он не спешит меня отпускать. Обходит, останавливается чуть позади. От его молчания по коже неожиданно пробегает холодок.

— Теперь время самого сокровенного, — произносит Арес и достаёт из-за спины знакомый конверт. — Открывай.

На его лице появляется довольная ухмылка, и это мне совсем не нравится. Слишком уж заинтересован он в обычном ответе Бастиона. Протягиваю вспотевшую под перчаткой руку и осторожно забираю конверт. Пальцем провожу по алой печати.

«Кому: Хлое, правой руке Ареса

От кого: Совета Бастиона»

На печати вспыхивает эмблема Бастиона: высокая чёрная башня, рассечённая серебряной линией, и два стилизованных крыла по сторонам — светлое и тёмное. Сердце, которое ещё минуту назад едва не останавливалось от усталости, вдруг начинает биться быстрее. Разворачиваю сложенный вдвое пергамент и вчитываюсь в строки.

«Уважаемая Хлоя!

Совет Бастиона рассмотрел Ваше обращение относительно возможного назначения в состав Совета.

В настоящее время должности, соответствующие Вашему статусу и квалификации, отсутствуют. В связи с этим предложить Вам назначение не представляется возможным.

Ваша кандидатура может быть рассмотрена повторно при появлении соответствующей должности.

С уважением, Совет Бастиона»

Несколько секунд просто смотрю на письмо. Вот и всё. Столько ожидания ради четырёх сухих строк. Нервно усмехаюсь и перечитываю последнюю вслух:

«Ваша кандидатура может быть рассмотрена повторно…»

Конечно. Когда-нибудь. Если им вдруг понадобится та, кому уже однажды сказали «нет». Щёлкаю пальцами — пергамент мгновенно вспыхивает. Огонь жадно съедает строчки, превращая их в пепел. Один ещё горящий обрывок падает на стол, но Арес успевает перехватить его пальцами и с совершенно довольным видом прикуривает от моего отказа сигару.

— Ты хорошо справилась сегодня. И скоро тебе понадобится твоя холодная голова.

— Для чего? — спрашиваю, внимательно глядя на него.

Арес не отвечает сразу. Медленно выпускает дым и смотрит на меня так, словно знает что-то, чего пока не знаю я.

— Скоро узнаешь.

Он говорит это слишком спокойно. Я опускаю взгляд на пепел, оставшийся от письма. Ещё утром мысль о завтрашнем дне вызывала только скуку. Теперь скука отступает. На её месте появляется тревога.

Глава 2. Птенчик

Мне снится Академия. Я знаю это место, хотя никогда здесь не была. Здесь нет удушливого жара Ада. Вместо него — прохладный воздух, чистое небо и солнечный свет, от которого приходится щуриться. Академия раскинулась среди тёмных гор: башни из светлого камня соединены открытыми галереями, высокие стрельчатые окна ловят солнце, а за арками виднеются тренировочные дворы и мосты, переброшенные между корпусами. Я иду по длинному коридору под расписным сводом, а навстречу мне улыбаются незнакомые бессмертные — ангелы, демоны и Безликие. Они приветствуют меня так, словно ждали. И впервые за тысячи лет я улыбаюсь в ответ. От одного этого ощущения у меня будто открывается второе дыхание. Я готова… на всё?

Во сне мне хочется задержаться здесь подольше. Я провожу ладонью по холодному каменному парапету и смотрю вниз: во внутреннем дворе несколько учеников отрабатывают связки заклинаний, дальше кто-то упражняется с клинками, а на верхней площадке двое спорят над раскрытой картой. Никто не выглядит прикованным к одной-единственной роли. Здесь можно быть сильным сегодня и ошибиться завтра, спорить с наставником, проигрывать, начинать заново. Даже сама мысль об этом кажется почти неприличной роскошью. В Аду от меня ждут правильных

решений. Здесь, кажется, разрешено сначала не знать ответа.

За окнами колышутся кроны деревьев, и я зачем-то запоминаю эту мелочь особенно отчётливо. В Аду растительность приживается тяжело: жар быстро превращает листья в сухую пыль. Здесь же зелень забирается прямо на стены Академии, оплетает каменные арки, цепляется за балюстрады. Я не знаю названий этих растений и вдруг ловлю себя на совершенно детском желании спросить у первого встречного. Не приказать принести справку. Не потребовать отчёт. Просто спросить. От этого становится смешно и больно одновременно.

Прохожу весь коридор и встречаю Майли. Малышка, как же ты выросла, как же я скучала!.. Длинные тёмные волосы рассыпаются по её плечам, серо-голубые глаза светятся тем же озорством, которое я помню с детства, а за спиной сложены насыщенно-красные крылья. Снова касаюсь её острых хрупких плеч, чувствую манящий аромат сладкого парфюма, вижу довольный взгляд сестры:

— Ты же так хотела сюда попасть, да? — искренне спрашивает Майли.

Медленно киваю и прижимаю сестру к себе, окружая её теплом и заботой.

— Тогда обернись. Она пришла за тобой…

По инерции оборачиваюсь — и вижу лишь тьму. В ушах нарастает шум. Воздуха не хватает. Совсем. Начинаю за-

дыхаться. Пытаюсь проснуться — не получается. Воздуха становится всё меньше. Ещё мгновение — и я уже не понимаю, где заканчивается сон и начинается реальность. А затем всё исчезает.

Майли

Мне снится, будто мы с Кристианом гуляем по шумному земному городу. Он держит передо мной два билета в театр, а я, радостная и воодушевлённая, от счастья запрыгиваю ему на спину и принимаюсь расцеловывать в обе щеки. Даже во сне он выглядит до неприличия хорошо: светлые волосы чуть растрёпаны ветром, небесно-голубые глаза смеются, белые крылья предусмотрительно скрыты от смертных. Это лучшее свидание, которое могли придумать на Земле!

И почему рядом с нами кто-то так оглушительно забивает молотком гвозди в забор? Парень до ужаса похож на Рэйвена. Прямо одно лицо! Высокий, широкоплечий, с длинными тёмными волосами и тем тяжёлым взглядом, от которого даже во сне хочется вытянуться по стойке смирно. Ну прекрати уже стучать своим чёртовым молотком…

— …прекрати! — вздрагиваю от собственного голоса и открываю глаза.

На дворе глубокая ночь. Комнату озаряет лунный свет, который поначалу слепит и заставляет щуриться. В дверь и правда кто-то громко стучит. Сердце от испуга укатывается куда-то в пятки. И ведь угораздило пристраститься к ужа-

стикам перед сном… Мельком ловлю себя в зеркале напротив кровати: длинные тёмные волосы растрепались, серо-голубые глаза ещё мутные со сна, красные крылья недовольно подрагивают за спиной. Красавица. Хоть сейчас на приём к Совету Бастиона.

Кого там могло принести в мои покои в такой поздний час? Хочется верить, что это Кристиан, который уже успел по мне соскучиться. Наши отношения начались не так давно, но стремительно набирают обороты. Метис слишком настойчив, а я люблю непрошибаемых парней и, конечно же, не устояла перед ним. Мы прекрасно находим общий язык, словно знакомы всю сознательную жизнь. Он так любезен и заботлив, а ещё настолько обаятелен, что я растворяюсь в его спокойной речи, лёгком смехе с мужской хрипотцой и всякий раз так и тянусь запустить пальцы в его светлые волосы.

Небрежно набрасываю халат, на ходу затягиваю пояс на талии, прикрывая выглядывающий кружевной бюстгальтер, и сонно плетусь к двери:

— Вообще-то, я уже… — открываю дверь с полузакрытыми глазами, собираюсь зевнуть, но при виде почти двухметровой фигуры забываю, как дышать. — Р… Рэйвен?..

Он усмехается, глядя на меня сверху вниз. Рэйвен и без того огромен, а в узком дверном проёме кажется совсем неприлично большим: широкие плечи почти перекрывают проход, длинные тёмные волосы падают на ворот чёрной кожаной одежды, за спиной тесно сложены мощные кожистые

крылья бронзово-дымного оттенка. На его лице нет ничего приветливого — только привычная суровая собранность. По сравнению с ним я выгляжу жалкой букашкой, которую можно пнуть одним мизинцем. Мне что, приснилось пророчество? Видение? Значит, Кристиан и правда подарит мне два билета в театр!..

Рэйвен никогда раньше не стучался в мою комнату. Удивительно, что он вообще знает, где я живу. Его визит ничего хорошего не предвещает.

— Стелла вызывает тебя. — Рэйвен замечает мой сонный взгляд и, сделав голос ещё грубее, цедит: — Сейчас же!

По правде говоря, становится действительно страшно. На улице глубокая ночь — почему этим двоим не спится? Зачем я нужна Стелле?.. *О, Элохим!*

Лениво выхожу из комнаты, захлопывая за собой дверь. В халате?.. Да и чёрт с ним! В моём состоянии стоит сказать «спасибо» уже за то, что я вообще удосужилась выйти одетой.

Плетусь за огромной фигурой, прячась в тени, которую Рэйвен отбрасывает в лунном свете. Академия ночью совсем другая: дневная белизна камня становится серебристой, цветные витражи гаснут, а длинные галереи между корпусами кажутся бесконечными. Где-то далеко шумит вода в старом фонтане, из тренировочного крыла тянет металлом и холодным камнем. Сонно усмехаюсь, но всякий раз, когда Рэйвен оборачивается проверить, иду ли я за ним, изо

всех сил делаю серьёзное лицо. Его трудно вывести из себя, но лучше до этого никогда не доводить. Рэйвен — само воплощение хладнокровия и суровости; достаточно одного его взгляда.

Мы пересекаем одну из открытых галерей. Ночью отсюда видно почти всю Академию: корпуса спускаются по склону несколькими уровнями, соединённые лестницами, мостами и крытыми переходами. В дальнем тренировочном дворе ещё горят несколько сфер — кто-то из старших опять решил, что сон переоценён. С другой стороны темнеет библиотечная башня, окна которой никогда не гаснут полностью. Даже ночью Академия не засыпает, она только сбавляет голос.

Рэйвен идёт впереди и ни разу не просит меня поторопиться. Ему это и не требуется: одного вида его спины достаточно, чтобы сонливость постепенно уступала место настороженности. Проходящие навстречу ученики при виде него мгновенно становятся тише. Кто-то здоровается, кто-то просто отступает к стене. Рэйвен отвечает короткими кивками, будто экономит слова так же бережно, как другие экономят деньги. Я невольно ускоряю шаг. Чем ближе кабинет Стеллы, тем сильнее хочется знать, какого чёрта ей понадобилось именно от меня.

Дверь в кабинет Стеллы распахнута: заходи — не бойся, выходи — не плачь. Заваливаюсь следом за Рэйвеном и нагло плюхаюсь в кресло рядом с госпожой. Стелла сидит за широким столом, будто ночь создана специально для её безум-

ных озарений. Светлые волнистые волосы рассыпаны по плечам, светлые глаза блестят слишком бодро для такого часа, а многоцветные крылья — сливовые, лиловые, местами синие — сложены за спиной. В ней даже неподвижность выглядит как подготовка к очередной авантюре:

Её кабинет мало похож на кабинет заместителя директора. На одной стене висят учебные расписания и карты корпусов, на другой — вырезки из земных журналов, куски ткани, фотографии неизвестных мне музыкантов и десяток записок, приколотых в совершенно хаотичном порядке. На столе между официальными бумагами валяются игральные карты, пустая чашка и блюдце с засохшим лимоном. Я не представляю, как Совет Бастиона вообще доверяет Стелле документы, но, судя по всему, каким-то чудом она умеет находить нужное среди собственного бедлама.

Рэйвен остаётся у окна. В лунном свете его лицо кажется ещё резче: высокий лоб, тяжёлая линия челюсти, несколько светлых шрамов на коже. Он складывает руки на груди и всем видом показывает, что к очередной затее Стеллы отношения не имеет. Не верю ни секунды. Если бы действительно не имел, ушёл бы ещё у двери. Значит, либо ему интересно, чем всё закончится, либо он здесь на случай, если новая «гениальная идея» закончится пожаром. Второй вариант кажется реалистичнее.

— И тебе привет, птенчик. — Стелла недовольно, даже с ноткой брезгливости, окидывает меня взглядом. — У меня

родилась гениальная идея! Ты только послушай…

Каждый раз Стелла напоминает мне сбежавшую пациентку дурдома, над которой слишком долго ставили всевозможные эксперименты. Её «гениальные идеи» почему-то всегда рождаются ночью. И частенько под горячую руку попадаю именно я, потому что люблю блуждать по ночным коридорам: то возвращаюсь от Кристиана, то выбираюсь после нескольких бокалов из комнаты Тома и Яна. Эти двое постоянно устраивают алкогольные посиделки у себя, а иногда выводят мероприятие на более широкий уровень — собирают всех у скалистого берега, где на мели ржавеет старый заброшенный корабль. Преподаватели не знают об этом тайном месте, где ученики так жадно уничтожают вино ящиками.

Том всегда был тем самым подстрекателем, которому невозможно отказать: медно-рыжие кудри, тёмные крылья и выражение лица бессмертного, уже придумавшего неприятности на вечер вперёд. А Ян — его полная противоположность внешне: тёмноволосый, собранный, с алыми крыльями и привычкой сначала смерить идею тяжёлым взглядом, а потом всё равно согласиться. Такие вот мои лучшие друзья.

— В Академии стало слишком скучно, — уныло протягивает Стелла, пытаясь вызвать у меня хоть какую-то реакцию. Ну знаешь ли, Рэйвен прервал мой самый сладкий сон… — Здесь становится всё больше Безликих, и все они какие-то отрешённые. Я вот о чём думаю…

Нахально зеваю в кабинете заместителя директора, едва

успевая прикрыть рот рукой. Даже не обращаю внимания на то, как Стелла бесится из-за моего несерьёзного отношения. Лучше бы так активничала в постели с этим двухметровым, который прервал мой сладкий сон, а не тиранила меня своими очередными гениальными идеями по ночам.

— У каждого ученика будет своя игрушка в виде другого ученика, чтобы все смогли сблизиться, — Стелла хлопает в ладоши, как сумасшедшая. Кажется, мои догадки про дурдом становятся явью. Никакого древнего правила, конечно, не существует: всё это родилось исключительно в её богатой фантазии. — Что скажешь, птенчик?

Несколько секунд я просто смотрю на неё. Судя по выражению лица Рэйвена, он делает то же самое — только мысленно и куда более красочно. Стелла, напротив, сияет так, будто только что изобрела новый политический строй. В её голове всё просто: собрать пару, назначить одного хозяином, другого игрушкой и посмотреть, что получится. Никакой древней традиции, никакого решения Совета, никакой педагогической методики. Чистая Стелла и её богатая фантазия.

— И что значит «игрушка»? — всё-таки спрашиваю я, хотя уже предчувствую ответ.

— Что значит игрушка? — Стелла округляет глаза, словно вопрос оскорбил саму идею. — Хозяин командует, игрушка слушается. Пока пара действует — не меняются, не

сбегают и не спорят с распределением.

Рэйвен медленно прикрывает глаза. Я начинаю понимать его.

В очередной раз зеваю и перевожу на неё недовольный, сонный взгляд. Интересно, а как бы на эту затею отреагировала Хлоя? Изменилось бы её мнение об Академии после временного правления Стеллы? Кривлю губы, вспоминая свой сон:

— Думаю, директор Соурейм откажет в этой гениальной идее, — пожимаю плечами, изображая пальцами кавычки. — А так делай что хочешь.

— Старик уходит в отпуск, а на его место встаю я, — Стелла слащаво улыбается, прищурившись. — Но есть одна проблема: учеников нечётное количество. Аристарх, как всегда, кривит рот и отмахивается от вполне симпатичных учениц, называя их скучными и однообразными. Что нужно этому зазнавшемуся метису — сам чёрт его разберёт.

Меня не беспокоит даже тот факт, что какое-то время Академией будет править Стелла, хотя это вполне может обернуться полным хаосом. Успеваемость учеников явно ухудшится, но разве кому-то до этого есть дело? Вдруг эта сумасшедшая перетасует пары так, что мы с Кристианом окажемся не вместе? На несколько мгновений зависаю, пытаясь отогнать страх. *Нет, Кристиан будет только со мной.* Откидываюсь на спинку кресла и громко усмехаюсь:

— Ты предлагаешь мне спуститься на Землю и завалить одного смертного, чтобы число учеников стало чётным? Или что?

Встаю и направляюсь к двери, всем видом демонстрируя равнодушие к странным идеям Стеллы, которые она упорно называет «гениальными». Наверняка Хлоя на моём месте поступила бы точно так же. В дверном проёме останавливаюсь, оборачиваюсь и бросаю:

— Давай завтра это обсудим. Я невыносимо хочу спать, — шиплю, не скрывая раздражения. — Доброй ночи!

Разворачиваюсь на пятках и словно плыву в свою комнату. Закрываю дверь и снова ложусь в уже остывшую постель. *О, Элохим, сон… милый сон.*

Некоторое время всё же обдумываю слова Стеллы, пытаясь представить всю картину происходящего: сотни учеников лихорадочно разбираются по парам, дерутся, ссорятся… например, из-за Люцифера. За этим горячим засранцем половина учениц выстроится в очередь. Может, Стелла будет сама распределять пары? Но тогда я рискую остаться без Кристиана…

В мыслях пытаюсь свести некоторых учеников. *И зачем, чёрт побери, я вообще забиваю этим голову?* Всё же в затее Стеллы есть что-то интересное, хотя звучит она как полное безумие. Представляю, как брат-близнец Кристиана — Аристарх — обрадуется идее временной директрисы Академии.

Аристарх по-своему интересный парень, но ужасно эгои-

стичный. По уровню высокомерия ему, конечно, далеко до Люцифера, хотя где-то рядом. Он швыряется резкими фразочками, отшучивается, но при этом не упускает возможности очаровать окружающих. В Люцифере он нашёл сомнительного, но всё же конкурента. Метисы уже давно имеют те же права, что ангелы и демоны, однако равноправие на бумаге мало изменило отношение общества. Их всё ещё считают детьми смешанной крови, наследием Разгрома, существами «между». Особенно тяжело пришлось тем, кто родился раньше реформ и успел побывать в рабстве. Аристарх и Кристиан как раз из таких. Поэтому их появление среди учеников Академии когда-то стало для всех настоящим потрясением…

Мысль об Аристархе цепляется за старое воспоминание — за тот день, когда близнецы впервые появились в Академии.

Торопливо провожу щёточкой туши по длинным ресницам и быстро бормочу себе под нос:

— Чёрт-чёрт-чёрт…

Общее собрание вот-вот начнётся в главном зале Академии. Сегодня ряды учеников пополнят новенькие, а я из-за своего любопытства — ну и роста, разумеется — не могу остаться где-то в задних рядах.

Машу рукой перед лицом, чтобы тушь скорее высохла. Натягиваю кожаные ботфорты почти до бёдер и бегу сломя голову в зал. Твою мать, ну сколько можно опаздывать?

Влетаю в открытые двери. Главный зал Академии до отказа заполнен бессмертными. Высокие стрельчатые окна поднимаются почти до самого свода; цветные витражи режут солнечный свет на алые, золотые и синие полосы, которые ложатся на светлый каменный пол. Над галереями второго яруса висят знамёна трёх признанных рас, а у дальней стены возвышается длинный стол Совета Бастиона. Ученики, преподаватели, члены Совета, директор Соурейм со своим заместителем — все-все! Пытаюсь аккуратно протиснуться вперёд и слышу за спиной недовольное сопение. Извините, ребятки, придётся потерпеть.

Вырываюсь вперёд и наконец вижу, что происходит в центре: Соурейм стоит у длинного стола Совета, а позади него выстроились новые ученики. Моё внимание сразу привлекают двое парней, похожих линией скул, разрезом глаз и той почти одинаковой упрямой складкой губ, но совершенно разных во всём остальном. Один смотрит на зал с дерзким любопытством, словно уже прикидывает, какое правило нарушит первым. Второй держится спокойнее и собраннее — не отводит глаз, но будто успевает оценить каждого прежде, чем сделать вывод.

Первый — Аристарх — темноволосый, с серо-голубыми глазами и резкими чертами лица. Чёрные перьевые крылья за его спиной отливают серебром, будто кто-то провёл по ним холодной металлической пылью. На руке темнеют татуировки, а одежда нарочито проста и мрачна — совсем не

парадный вид для первого дня. Кристиан выглядит светлее: волосы песочно-русые, чуть длиннее обычного и мягко убраны назад, глаза небесно-голубые, крылья почти белые, лишь отдельные перья тронуты тёмным оттенком. Они близнецы, но смешанная кровь словно нарочно разложила наследство родителей по-разному.

— …по решению Совета Бастиона метисы отныне допускаются к полноценному академическому образованию наравне с ангелами и демонами, — объявляет Соурейм. Его голос разносится под сводами зала. — Аристарх и Кристиан, добро пожаловать в Академию бессмертных!

По залу тут же прокатывается тревожный шёпот. От него становится не по себе. Формально метисы уже давно имеют право жить наравне со всеми, но общество меняется куда медленнее законов. К тому же эти двое — дети Адель и Элиота, той самой пары, чья любовь когда-то стала искрой Разгрома. Что, если они пришли сюда ненавидеть ангелов и демонов за всё, что сделали с их семьёй? Что, если годы катакомб и рабства научили их только одному — ждать подходящего момента для расплаты? Задумчиво оглядываю обоих и первой начинаю громко аплодировать, перекрывая тревожный шёпот. Один за другим бессмертные подхватывают аплодисменты, и вскоре весь зал приветствует новоприбывших. Хочется поскорее узнать о метисах больше. Не как о политической ошибке прошлого — как о бессмертных, которые стоят сейчас перед нами.

Кто-то позади меня шепчет слово «катакомбы». С другой стороны доносится «дети Разгрома». Я оборачиваюсь, но никто не признаётся, кто именно сказал. Так всегда происходит с неприятными словами: произнести хочется многим, отвечать за них — никому. Аристарх, кажется, всё слышит. На мгновение его улыбка становится шире, почти вызывающей. Кристиан реагирует иначе — только чуть сильнее расправляет плечи и смотрит прямо перед собой. Будто заранее решил не дарить залу ни одной эмоции.

До этого дня метисы для большинства из нас существовали скорее как тема старых разговоров. Закон давно признавал их равными, но равенство на бумаге не заставляет чужую мать спокойно принять метиса за семейным столом и не мешает отцу считать такой союз позором рода. Я знала, что они существуют. Конечно знала. Но одно дело — знать. Другое — увидеть двоих перед собой и понять, что все страшилки почему-то не сделали их ни чудовищами, ни безумцами.

Аристарх первым переводит взгляд на толпу. Медленно, почти лениво, будто именно он сейчас оценивает нас, а не наоборот. Серо-голубые глаза цепляются за лица, задерживаются на Совете, на преподавателях, на учениках. В них нет просьбы принять его. И это почему-то раздражает некоторых ещё сильнее. Кристиан едва заметно касается его локтя — короткое движение, которое замечаю только потому, что смотрю слишком внимательно. Аристарх пе-

рестаёт ухмыляться. Всего на секунду. Братья понимают друг друга без слов.

Ищу глазами Тома и Яна, чтобы поделиться идеей сблизиться с метисами. Среди толпы усердно выискиваю рыжую макушку Тома. Где же он, чёрт его побери?.. Нашла! Рядом с ним, как всегда, стоит Ян — тёмный, собранный, с алыми крыльями, сложенными за спиной. Снова протискиваюсь вправо, чтобы встать поближе к друзьям. Представляю, как некоторые гневно сверлят взглядом мой затылок.

— Готовь несколько ящиков вина, — шепчу, стараясь не выбиваться из общего гула и не привлекать лишнего внимания.

Том вопросительно смотрит на меня, а Ян поворачивает голову с таким же недоумением во взгляде. Усмехаюсь над их лицами и поясняю:

— Устроим вечеринку в честь новеньких. Я хочу узнать этих метисов поближе!

Том вскидывает бровь и скрещивает руки на груди. Я прекрасно знаю этот жест: стоит выждать пару мгновений — и демон одобрительно кивнёт. Ян лишь тяжело вздохнёт, будто заранее осуждает нас обоих, а потом всё равно спросит:

— Будь по-твоему, чертовка, — усмехается демон.

— Что решили? Намечается тусовка?

Всё как я и сказала. Предложить Тому закатить вечеринку с ящиками вина — такая же беспроигрышная затея,

как и потакать Стелле в её «гениальных» идеях: согласие гарантировано на сто процентов.

***

Будильник истошно звенит. Морщусь и наугад взмахиваю рукой, задевая его. Орущий механизм с бряканьем падает на пол и замолкает. Устало тру лицо ладонями. Элохим, дай мне сил!

Ночной сон, прерванный Рэйвеном, утром даёт о себе знать. Настроения нет, а желание остаться в постели полностью овладевает разумом.

В дверь стучат. Беру вторую подушку и накрываю ею лицо. *Задрали! У меня что, проходной двор?*

Набрасываю тот же халат, который уже прикрывал моё полуголое тело этой ночью, и иду к двери. Кривлю рот, представляя, что сейчас снова увижу недовольный и суровый взгляд Рэйвена:

— Доброе утро, — радостно произносит Кристиан, чуть склонив голову. Светлые волосы небрежно зачёсаны назад, белые крылья сложены так аккуратно, словно он уже успел привести себя в порядок за нас двоих. — Позавтракаем?

Стою, округлив глаза: увидеть с самого утра метиса в дверном проёме я точно не ожидала. Сонливость как рукой снимает. На фоне ночного Рэйвена Кристиан выглядит почти неприлично светлым — голубые глаза, спокойная улыбка, открытая линия лица. Пока прихожу в себя, Кристиан вопросительно кивает в сторону комнаты. Я сонно отступаю,

пропуская его внутрь. Он улыбается так, будто именно этого и ждал.

— Я принёс только что испечённые круассаны и кофе. — Кристиан умеет надавить на мои слабости и с самого утра заставить улыбнуться. — Как спалось, красавица?

Он ставит пакет на стол так буднично, словно утренние визиты с выпечкой входят в его расписание наряду с занятиями. Я всё ещё не привыкла, что Кристиан умеет заботиться без показной театральности. Он не заваливает комнату цветами, не обещает достать звезду и не требует благодарности. Просто запоминает, какой кофе я пью, какие круассаны выбираю и в какие дни лучше не разговаривать со мной до первого глотка. Наверное, именно поэтому рядом с ним так легко.

Пока я разворачиваю пакет, Кристиан подходит к окну и поправляет одну из створок. Его белые крылья на мгновение полностью раскрываются в полосе утреннего света, и я снова думаю, насколько странно устроена кровь метисов. В нём ангельское будто лежит на поверхности — светлые волосы, ясные глаза, спокойные движения. А потом он смотрит чуть внимательнее, чем положено, улыбается уголком рта — и становится понятно, почему Аристарх всё-таки его близнец.

Захлопываю дверь и устраиваюсь поудобнее в кресле у туалетного столика. Кристиан явно ждёт подробного рассказа о снах, которые в последнее время я вижу слишком ча-

сто. Разгулявшаяся не на шутку фантазия не оставляет в покое. Изучающе оглядываю его и вспоминаю ночной разговор с Стеллой, который из-за сонливости помню лишь фрагментами. «Что скажешь, птенчик?» — эхом повторяется в голове её вопрос. *Сколько я уже молчу, не отвечая Кристиану? Несколько столетий? Или всего минуту?..*

— Нормально, — отрезаю и хватаю бумажный стаканчик с кофе, на котором от руки выведено «Майли», а рядом на скорую руку нарисовано сердечко. Кристиан умеет радовать мелочами. — А что снилось тебе?

Метис расплывается в довольной улыбке и привычным движением отбрасывает назад светлую прядь. Меня так забавляет этот жест! Он с интересом наблюдает, как я заглядываю в бумажный пакет с ароматными французскими круассанами. Мои любимые. Свежие…

— Представь, мне тоже снилось, будто Стелла временно стала директором Академии, — невозмутимо отвечает он.

Делаю жадный глоток кофе, но от услышанного едва не давлюсь, и несколько капель падают на декольте, едва прикрытое шёлковым халатом. Дыхание перехватывает — я даже не успеваю проглотить кофе. Ненавижу давиться, тем более при таких идиотских обстоятельствах.

— …ты в порядке? — обеспокоенно спрашивает Кристиан и протягивает мне несколько салфеток.

Молча киваю, давая ему возможность продолжить рассказ, который застал меня врасплох. *Может, стоило сразу*

рассказать всё как есть, а не ходить вокруг да около?

— …и тут она мне говорит: «У каждого ученика будет своя игрушка в виде другого ученика…» — Кристиан продолжает пересказывать сон, но я, дословно вспомнив ночной разговор со Стеллой, заканчиваю её фразу:

— «…чтобы все смогли сблизиться между собой».

Метис бросает на меня удивлённый взгляд. Элохим, какая же я дура! Как мне теперь оправдаться? Вот вечно мне нужно что-нибудь скрыть…

— Откуда ты это знаешь?..

— От Стеллы, — виновато признаюсь, ставя полупустой стаканчик на стол. — Вчера ночью я разговаривала с ней.

Кристиан выпрямляется и скрещивает руки на груди. Прости, светлоголовый, я не специально…

— Рэйвен разбудил меня стуком в дверь. Сказал, что Стелла хочет меня видеть. Было около двух ночи, — быстро проговариваю, словно боюсь замедлиться и что-то упустить. — Она рассказала о своём абсурдном плане и о том, что временно станет директором Академии, пока Соурейм в отпуске.

Кристиан изучающе окидывает меня взглядом. Его глаза на мгновение задерживаются на моих губах, а затем поднимаются к глазам. В комнате повисает напряжённая тишина. Кажется, несколько секунд я вовсе не дышу. Наконец метис её нарушает:

— Расслабься, я всё знаю. Стены Академии завешаны по-

стерами о нововведениях. Стелла уже объявила об этом. — Кристиан расплывается в довольной улыбке: всё это время он просто меня дразнил, а я уже успела почувствовать себя нелепой дурочкой, пойманной на попытке что-то скрыть. Как же я недооценивала своего избранника. — Сегодня будет общее собрание в зале, а после него — бал.

Поднимаю вопросительный взгляд. В голове тысяча и один вопрос, ответы на которые потребуют не меньше половины дня. Неужели всё-таки Стелла добьётся своего?..

— Но она же говорила, что в Академии нечётное количество учеников для её затеи с «игрушками».

— Верно, — кивает Кристиан, убирая руки в боковые карманы брюк. — Полагаю, поэтому и проведут собрание.

Задумчиво отвожу взгляд. Судя по всему, Стелла что-то придумала насчёт недостающего ученика, раз после собрания сразу намечается бал. Вот только на дворе поздняя весна, а значит, скоро некоторые старшекурсники покинут стены Академии и станут вольными птицами. У остальных начнутся каникулы — до падения первого осеннего листа с кроны деревьев. И только осенью возобновится учёба.

Из окна моей комнаты видно северное крыло Академии. Утром оно кажется почти безмятежным: светлый камень, длинные балконы, флаги Бастиона на башнях. Ниже уже собираются группы учеников — кто-то идёт на занятия, кто-то спускается к тренировочным площадкам, кто-то сидит прямо на ступенях с книгой и завтраком. Мне нравится смот-

реть на них отсюда. В Академии никто не живёт одной-единственной жизнью. Сегодня ты споришь на лекции, вечером пьёшь вино на старом корабле у скал, завтра проваливаешь тренировку, а через неделю можешь оказаться лучшим на курсе. Здесь всё постоянно меняется.

Наверное, именно этого так не хватало Хлое. Она привыкла к миру, где любое её действие сразу становилось частью должности, семьи, репутации. Здесь можно опоздать, получить выговор, поссориться, влюбиться не в того и ещё долго не понимать, что делать дальше. Никто не выдаёт инструкцию на тысячу лет вперёд. Иногда мне кажется, что старшая сестра завидует даже моим ошибкам. Я раньше не понимала почему. Теперь начинаю.

Кристиан замечает, куда я смотрю, и подходит ближе. Несколько секунд мы молчим. Из соседнего корпуса доносится звон, возвещающий начало очередного занятия, и по галереям тут же ускоряется поток учеников. Метис улыбается почти незаметно. Для него Академия тоже стала чем-то большим, чем местом учёбы. После катакомб право самому выбирать, куда идти после звонка, наверняка всё ещё ощущается подарком. Мы оба любим это место по разным причинам — и, кажется, оба боимся однажды его потерять.

Конечно, новенькие попадают в Академию не только в начале учебного года. Бывает, ученики присоединяются и летом, и зимой, даже посреди каникул. Особенно Безликие: смерть смертных редко интересуется расписанием. К этому

все давно привыкли.

— Аристарх выбрал себе пару? — внезапно интересуюсь братом-близнецом Кристиана.

Метис расплывается в довольной ухмылке и отрицательно качает головой.

— Злится, что очередь выстроилась за Люцифером, а не за ним.

— Ну конечно, — с губ срывается ядовитый смешок. Не с тем Аристарх решил соревноваться за сердца. Ой, не с тем… — Но Люцифера на всех не разорвёшь, так что Аристарху явно кто-нибудь да перепадёт.

— Ему это и скажешь, — смеётся Кристиан. — Ни одна пока не зацепила его настолько, чтобы он действительно захотел быть рядом и проводить с ней время.

Медленно киваю с некоторым сожалением. Мне искренне жаль Аристарха. С началом наших отношений Кристиан стал меньше времени проводить с братом, и тот, оказавшись в настоящем одиночестве, решил, что никто не заслуживает настоящей любви. Я, конечно, не раз твердила ему, что это не так. Просто ещё не нашлась та, ради которой он был бы готов перевернуть весь мир. Хотя его легкомыслие и чрезмерный эгоизм пугают меня и дают понять, почему Аристарх до сих пор один и даже не намекает на серьёзные чувства. Бедная девушка, которая достанется ему в пару!.. Он ведь и правда может относиться к ней как к игрушке. Как к собственности.

День кажется невыносимо длинным. Жаль, ночь не была

такой же — сон за неё успели прервать дважды. Солнце медленно скрывается за далёкими от Академии горами. Башни и мосты один за другим тонут в синеватой тени, витражи гаснут, а в открытых галереях вспыхивают магические светильники. Постепенно сгущаются сумерки, обещая насыщенный вечер, а за ним — ночь.

К вечеру Академия меняется вместе с учениками. Днём галереи пахнут камнем, бумагой и травами из учебных кабинетов, а теперь по коридорам тянутся шлейфы духов, смех и музыка из распахнутых комнат. Кто-то бегает между этажами в одном ботинке, кто-то просит подругу застегнуть платье на спине, кто-то уже заранее празднует и прячет бутылку вина под мантией. Несколько младших Безликих стоят у лестницы и наблюдают за этим цирком с таким выражением, будто начинают сожалеть о собственной смерти.

Я люблю такие вечера именно за это. Академия перестаёт быть системой и на несколько часов становится просто местом, где все молоды, красивы и уверены, что неприятности произойдут с кем-нибудь другим. Даже преподаватели делают вид, что не замечают слишком яркий макияж, слишком короткие юбки и подозрительное звяканье стекла в сумках. Возможно, поэтому Хлоя так хотела сюда. Здесь жизнь хотя бы иногда позволяла себе быть несерьёзной.

Стелла всегда любила устраивать шумные и долгие вечеринки. Это сближало её с большинством учеников, поэтому я уверена: многие будут рады решению Совета Бастиона

временно назначить Стеллу директором. Соурейм слишком требователен, хотя это и порождает дисциплину и стремление к знаниям… И кого я обманываю? Он просто нудный и ворчливый. Вместе с ангелом Рональдетом, преподавателем боевых дисциплин, они стабильно делят первое место в рейтинге главных заноз в заднице Академии.

Кристиан выглядит, как всегда, изумительно. На нём белоснежная винтажная шёлковая рубашка, а искусанную мной шею прикрывает тёмно-зелёный бант под цвет брюк, который лишь сильнее подчёркивает чувство стиля метиса. Светлые волосы сегодня уложены назад чуть аккуратнее обычного, белые крылья ухожены до последнего пера. Решаю немного приукрасить его образ и добавить дизайнерскую деталь: пришиваю вдоль левой штанины полоску белой ткани, которая тянется почти до самых ботинок:

— Майли, мы не на Неделе моды в Париже.

— Уверяю, однажды мы и там побываем, — говорю, кривя губы в довольной ухмылке, и заканчиваю работу, отрывая зубами торчащую нитку.

На мне чёрный бархатный костюм: укороченный верх с длинными обтягивающими рукавами оставляет открытым плоский живот, а юбка в пол благодаря высокому разрезу почти до бедра деликатно открывает ногу. Дополняю образ золотыми украшениями: колье, которое отец подарил мне на день рождения, кольца и портупея. Волосы закалываю золотым крабом, выпуская прядь у лица.

— Ты выглядишь невероятно, дама моего сердца, — шепчет Кристиан. Он не удерживается и касается моей талии, притягивая к себе. От него пахнет прохладным кедром и чем-то терпким, едва пряным. Только вблизи аромат становится теплее — проступают амбра, чистая кожа и слабый дымный след, почти неуловимый сам по себе. Такой же, как он сам: сдержанный издалека и удивительно тёплый, если подпустить достаточно близко. — Дождусь твоего выпускного и женюсь на тебе. Клянусь, женюсь!

Кокетливо хихикаю и отвожу смущённый взгляд. Метис смотрит на меня совершенно серьёзно. О, Элохим, эти его небесно-голубые глаза, в которых можно утонуть без всякой надежды выбраться…

— Да ну, брось, — шутливо отмахиваюсь от его, вероятно, серьёзных намерений. — Вдруг к моему выпускному ты влюбишься в другую?

Кристиан резко отшатывается, словно я сказала что-то действительно страшное. Его глаза округляются и смотрят прямо мне в душу. Майли, опять ты за своё…

— И не подумаю, — с неожиданной суровостью отвечает Кристиан. — Миледи, ты собрана?

Игриво приподнимаю бровь и беру своего кавалера под руку. Тяну его к туалетному столику, чтобы напоследок дважды распылить духи на шею, а затем вместе с Кристианом направляюсь к двери.

Внутри отчего-то всё сжимается. Сердце пропускает

несколько ударов, ладони непроизвольно потеют, хотя скрыты капроновыми перчатками. От Стеллы можно ожидать чего угодно. Неизвестность томит, а внутри уже прорастает зерно паники. Но стараюсь не подавать вида. Я выше этого. Со Стеллой мы в доверительных отношениях. Знаю, что она не поставит с Кристианом никого, кроме меня. Эта мысль согревает душу.

Гордо запрокидываю голову, крепче цепляюсь за руку метиса и, звонко цокая каблуками, шагаю с ним по галерее прямиком в главный зал. Вечерний воздух свободно гуляет между колоннами, снизу доносится шум тренировочных дворов, а над тёмными крышами корпусов уже поднимается луна. Кто-то в спешке несётся мимо, пытаясь успеть застолбить желаемого партнёра. Несколько десятков глаз с завистью оглядывают наш с Кристианом союз, а затем начинают обсуждать метиса. Мы не думаем о других — только друг о друге. С каждым шагом к залу всё отчётливее доносятся приглушённый гул голосов и музыка фортепиано.

В зале уже вовсю толпятся ученики в праздничных нарядах. Витражи теперь отражают не солнце, а сотни свечей и свет магических сфер под сводом. Видно, что некоторые с особым трепетом подошли к выбору одежды для сегодняшнего мероприятия. В центре зала, раскинувшись на троне, сидит Стелла в ярко-красном платье. Светлые волны волос собраны набок, многоцветные переливчатые крылья расправлены ровно настолько, чтобы занимать больше ме-

ста, чем необходимо. От едкого цвета платья даже начинает рябить в глазах, но этот оттенок явно подходит временной директрисе. Он такой же резкий, как и сама Стелла. У колонны справа от сцены стоит Аристарх, прислонившись плечом к камню и уперев в него одну ногу. Чёрно-серебристые крылья сложены за спиной, на тёмных волосах играет свет свечей, а светлые глаза лениво скользят поверх голов окруживших его девчонок. Вид у них настолько жалкий и наивный, что становится тошно. Только и слышится:

Главный зал кажется ещё больше, чем днём. Свет магических сфер плывёт под расписным сводом, свечи отражаются в высоких окнах, а оркестр у дальней стены лениво перебирает первые ноты. На балконах второго уровня уже кучкуются те, кто пришёл не участвовать, а наблюдать. Хорошее место: сверху прекрасно видно, кто к кому подошёл, кто кому отказал и кто через час будет рыдать в уборной. Академия может сколько угодно учить стратегии — настоящая разведка всегда начинается на вечеринках.

Стелла явно наслаждается собственным спектаклем. Её светлые кудри собраны лишь наполовину и рассыпаются по плечам, яркие глаза блестят сильнее магических сфер, а необычные переливчатые крылья время от времени меняют оттенок в свете свечей. Рядом с ней Рэйвен выглядит ещё мрачнее: огромная тёмная фигура, руки скрещены, выражение лица такое, будто он заранее знает число разбитых бокалов к концу вечера.

— А меня возьмёшь?

— Аристарх, а ты уже выбрал?

— А можно с тобой?

Метис пропускает их мимо ушей. Очевидно, ему нравится внимание. Его взгляд устремлён куда-то вдаль, в одну точку. И чего он бесился, что очередь выстроилась за Люцифером? Вполне симпатичные девчонки трутся рядом с Аристархом. Но он по-прежнему никого не выбрал. Раньше это его не особенно волновало. Что же изменилось?

Все суетливо пытаются выбрать себе партнёра, словно от этого зависит всё их дальнейшее существование. Все выбирают, но кто вообще имеет на это право? Какой психопат добровольно решится стать чьей-то игрушкой? Кто выберет невидимые кандалы вместо свободы?

Я медленно оглядываю зал и впервые пытаюсь представить, как всё это будет выглядеть не сегодня вечером, а завтра утром, когда праздничная музыка стихнет. Стелла подаёт игру как забаву, но даже у самой нелепой забавы быстро появляются правила, если в неё поверит достаточно людей. Уже сейчас несколько девчонок спорят, кому «принадлежит» один и тот же парень, а двое демонов у стены с азартом обсуждают, кто кого заставит выполнять поручения. Смешно. Пока не вспоминаешь, что кому-то достанется хозяин, который действительно воспримет слово буквально.

Я сильнее цепляюсь за локоть Кристиана. Он сразу замечает движение и чуть поворачивает ко мне голову. Ника-

ких вопросов — просто кладёт ладонь поверх моей. Вот за это я его и люблю. Рядом с ним идея Стеллы кажется глупой и почти безобидной: мы и так выбрали друг друга без приказов и распределений. Но мой взгляд снова цепляется за Аристарха. Он стоит в стороне от поклонниц с выражением бессмертного, которого вся происходящая суета одновременно веселит и раздражает. Интересно, что будет, если Стелла действительно назначит ему девушку, которую он не выбирал сам?

Ответ приходит почти сразу: ничего хорошего. Аристарх терпеть не может, когда за него решают. Даже Кристиан иногда сначала сообщает ему план, а уже потом осторожно добавляет, что вообще-то это был совет, а не приказ. В катакомбах у них слишком долго не было права выбирать ни место, ни работу, ни собственное будущее. Наверное, поэтому брат Кристиана теперь хватается за свободу так, будто кто-то каждую секунду может попытаться отнять её обратно. Иронично, что именно ему Стелла собирается вручить власть над чужой свободой.

От этой мысли становится неуютно. Я не считаю Аристарха жестоким — самовлюблённым, несносным, временами совершенно невыносимым, да. Но не жестоким. И всё же власть странно действует даже на тех, кто всю жизнь её ненавидел. Я перевожу взгляд на Стеллу. Судя по её счастливой физиономии, подобные философские мелочи в план мероприятия не входили. Ей хочется зрелища. Похоже, она его

получит.

Ловлю довольные взгляды Тома и Яна и приветливо машу им рукой. Том сегодня выглядит так, будто нарядился специально ради будущих неприятностей: рыжие кудри растрёпаны, чёрная одежда усыпана цепочками, тёмные крылья слегка раскрыты. Ян рядом с ним строже — тёмные волосы аккуратно уложены, алые крылья собраны, костюм застёгнут почти безупречно. Подхожу ближе и вслушиваюсь в их забавный спор о ставках:

— Пять золотых, что Аристарх достанется той рыжей.

— Десять — что он сам её пошлёт, — уверяет Том.

В зал входит Люцифер, и разговоры на несколько секунд действительно становятся тише. Внешность ему в этом помогает: тёмные волосы зачёсаны назад, алые глаза лениво скользят по залу, красные крылья распахиваются за спиной тяжёлым веером, а татуировки поднимаются от груди к шее и уходят под ворот чёрной рубашки. За ним тут же тянется шлейф из десятка девчонок, которые влюблённо смотрят ему вслед, точно марионетки. От этого зрелища невозможно сдержать улыбку. Краем глаза замечаю, как Аристарх уже поднимается к Стелле на сцену и что-то шепчет ей на ухо. Рэйвен, сидящий рядом, не спускает с него грозного взгляда. Стелла довольно, но коротко кивает, хватает с подноса бокал вина, подносит его к микрофону и постукивает ногтем по стеклу, издавая характерный звон:

— Добро пожаловать, пупсики, — иронично протягивает

директриса. — Старик в отпуске, а теперь за главную я. Вы готовы?

Свободной рукой Стелла медленно проводит по воздуху, словно охватывая весь зал. Ученики, будто одурманенные ею, начинают восторженно визжать, свистеть и аплодировать. Некоторые выкрикивают: «Лучшая!». Неуверенно хлопаю и осторожно смотрю по сторонам. Замечаю, что часть учеников успела знатно напиться вином ещё до начала мероприятия. Их шатает из стороны в сторону, глаза собираются в кучу, движения становятся хаотичными и неосторожными. Стелла на них весьма дурно влияет…

— Как многим уже известно, я собираюсь сблизить вас друг с другом, — директриса выдерживает паузу, расплываясь в колкой ухмылке, прежде чем продолжить. — Надеюсь, каждый нашёл себе пару по вкусу…

Стелла переводит взгляд на крайне недовольного Люцифера, позади которого стоит толпа неугомонных поклонниц. Директриса фыркает от смеха, отмахиваясь от увиденной картины. Её забавляет, что сын Ареса настолько притягателен, что лишил девушек последних крох здравого смысла.

— Томлинсон, — сквозь усмешку произносит Стелла, вызывая Безликую вперёд. Когда Сара поспешно подходит, директриса окидывает её оценивающим взглядом. — Будешь игрушкой для Люцифера.

Сара заметно бледнеет, но всё же выходит в центр. Невысокая, с густыми тёмными волосами и внимательными свет-

лыми глазами, она ещё не успела избавиться от той осторожности, которая часто остаётся у Безликих после смертной жизни. В праздничном платье она выглядит почти уверенно — если не смотреть на пальцы, которыми слишком крепко сжимает ткань юбки.

Аристарх хочет что-то сказать Стелле, но та замечает его попытку и резко прерывает предупреждающим взглядом. Стелла быстро распределяет оставшихся девушек по другим парам — их разбирают, как горячие пирожки. Аристарх остаётся на месте, недовольно кривя губы. Кажется, последняя надежда ускользает у него прямо из рук.

— Аристарх остался без игрушки, — утвердительно заявляет Стелла.

Взгляд метиса становится холодным и злым. Он отводит глаза от толпы учеников, которые тут же с удивлением оборачиваются к нему. Некоторые поклонницы по-прежнему тянутся к Аристарху, но он делает вид, что не замечает их.

— Ладно.

Стелла отпивает глоток вина и облизывает нижнюю губу.

— У меня для тебя есть одна кандидатура.

Глава 3. Бал игрушек

Серо-голубые глаза Аристарха вспыхивают новым интересом. По его лицу видно: очередную «скучную» пару Стелла ему не подсунет. Если временная директриса и затеяла весь этот цирк, то для самого несговорчивого метиса наверняка приберегла что-то особенное. Стелла медленно оглядывает зал и останавливает взгляд на мне. Сердце неприятно сжимается. Чем дольше она смотрит, тем сильнее хочется исчезнуть среди чужих плеч. Что ей нужно?..

— Майли, — голос Стеллы звучит надменно и почти ласково. — И долго ты собиралась молчать о собственной сестре?

Сотни глаз поворачиваются ко мне разом. Щёки вспыхивают. Я крепче сжимаю руку Кристиана и невольно подаюсь к нему, будто его спокойствие могло прикрыть меня от всего зала. Он бросает короткий вопросительный взгляд, но я не отвечаю. Стелла уже наслаждается произведённым эффектом.

— О родной старшей сестре, между прочим! — добавляет она. По залу прокатывается удивлённый гул. Я никогда не рассказывала в Академии о Хлое. Не потому, что стыдилась её — скорее наоборот. Просто её имя слишком многое значило в Аду, чтобы однажды случайно превратиться в тему для чужих разговоров. — Приведите её.

Стелла щёлкает пальцами, и двое стражников у боковой двери сразу исчезают в коридоре. У меня холодеют ладони. Встречи с сестрой я хотела больше всего на свете — но не так. Не посреди бала, не под сотнями взглядов и уж точно не по приказу Стеллы. Кристиан поворачивается ко мне, нахмурившись, и я впервые за вечер не решаюсь выдержать его взгляд.

Через несколько мучительно длинных минут Хлою вводят в зал. Я сразу узнаю её, хотя за время разлуки в памяти успели смягчиться даже самые знакомые черты. Светло-каштановые волосы рассыпаются по плечам, серо-зелёные глаза опущены, а возле верхней губы темнеет маленькая родинка, которую я в детстве почему-то считала меткой удачи. Яркие лилово-малиновые крылья стянуты тонкой золотой нитью, не позволяющей взлететь, на запястьях тяжело звякают кандалы. Хлоя держится прямо, но я слишком хорошо знаю сестру: прикушенная нижняя губа выдаёт нервозность лучше любого признания.

Её появление меняет зал сильнее любого объявления. Даже те, кто минуту назад смеялся и спорил о парах, теперь смотрят только на неё. В Аду Хлоя привыкла входить в помещение так, будто уже знает, кто здесь главный. Сейчас у неё отняли именно это — возможность самой выбрать, как быть увиденной. Я чувствую чужие взгляды почти физически и впервые понимаю, почему она столько лет терпеть не могла публичные сюрпризы.

Кто-то присвистывает, кто-то возбуждённо шепчется. Я едва не срываюсь с места. Аристарх, наоборот, замирает у колонны, оценивая Хлою с откровенным интересом. Чёрные крылья с серебристым отливом сложены за спиной, тёмные волосы падают на лоб небрежными прядями, а на губах медленно появляется та самая опасная ухмылка, которую он обычно приберегал для ситуаций, обещавших ему неприятности. Ну нет. Только не он.

— Подойди сюда, птенчик, — Стелла манит Хлою пальцем. Та поднимает на неё холодный, почти убийственный взгляд, но всё же двигается вперёд. — Посмотри, сколько бессмертных мечтали увидеть правую руку Ареса не на заседании и не в Зале Осуждения.

Смех Стеллы разлетается под сводами. Следом вспыхивают шёпоты. Кто-то узнаёт Хлою сразу, кто-то не верит, что дочь Маммона и правая рука Ареса действительно стоит перед ними в кандалах. А потом звучит самое громкое: «Её отдали метису?» Хлоя едва заметно дёргается. Метис. Здесь, в Академии. По её лицу на мгновение скользит не столько отвращение, сколько настоящее удивление — словно сам факт их обучения здесь оказывается для неё новостью.

Стелла перехватывает Хлою за руку и подводит к Аристарху с нарочитой театральностью. Тот не отступает ни на шаг. Стелла касается пальцами подбородка Хлои, заставляя поднять голову, и сводит их взгляды.

— Поздравляю, птенчик. Теперь ты — его игрушка.

Стелла хлопает в ладоши, совершенно довольная собой. Хлоя дёргается, но Аристарх успевает перехватить её за плечи. Не грубо — скорее слишком уверенно, словно уже проверяет границы новой власти. Его улыбка становится тоньше. У Хлои дрожат губы, а в глазах на секунду мелькает страх, который она тут же прячет за злостью. Я рвусь к ней, но Кристиан перехватывает меня за запястье и тихо качает головой. Я бью его свободной рукой в грудь.

— Пусти! Пусти меня, Кристиан!

Ответ заглушают фанфары. Огромные люстры гаснут одна за другой; под потолком вспыхивают магические световые сферы, разрезая зал короткими алыми и золотыми всполохами. В центре остаётся освещённой только Стелла — платиновые волосы, яркое платье, довольная улыбка и разноцветные крылья за спиной делают её похожей на хозяйку собственного безумного театра.

— А теперь, мои зверушки-игрушки, — тянет она. — Танцы!

Оркестр берёт первые ноты. Зал оживает мгновенно: кто-то тянется к вину, кто-то уже тащит партнёра в центр, кто-то спорит о правилах, а кто-то, кажется, решает проверить их на прочность в первые же минуты. Я ищу Хлою, но сестра исчезает из толпы. Аристарха тоже нигде нет.

Я остаюсь на месте ещё несколько секунд, пока Кристиан не отпускает моё запястье. В его лице нет ни ревности, ни раздражения — только осторожность. Он знает брата луч-

ше меня и, кажется, поэтому не бросается вмешиваться. Это бесит. Хочется потребовать объяснений, но музыка уже заглатывает все слова. Где-то впереди мелькают лиловые крылья Хлои и исчезают за боковой дверью. Я обещаю себе: как только Стелла закончит свой спектакль, я найду сестру. И на этот раз не позволю тысячелетиям снова встать между нами.

Хлоя

Стелла тащит меня за руку по коридору, хотя кандалы на запястьях и без того не оставляли особого пространства для свободы. Чёрт побери, какого хрена здесь вообще происходит?.. Ещё вчера я спорила с Аресом из-за очередного отказа Бастиона, а сегодня меня притащили в Академию как преступницу и объявили чьей-то игрушкой.

Временная директриса захлопывает дверь своего кабинета и лезет в высокий шкаф. Через секунду на диван летит чёрное платье, усыпанное мелкими кристаллами. Стелла оборачивается ко мне. Вблизи её светлые волосы кажутся почти белыми, а в бледных глазах слишком живое, слишком довольное выражение — она явно наслаждается каждым мгновением моего недоумения.

Кабинет под стать хозяйке: слишком яркий для Академии и слишком беспорядочный для руководителя. На спинке кресла висит корсет, среди официальных бумаг стоит открытая бутылка вина, на полке рядом с печатями Совета Бастиона лежит россыпь украшений и какие-то игральные карты. У Соурейма, подозреваю, от одного вида собственно-

го кабинета после отпуска случится нервный припадок. Эта мысль впервые за вечер почти заставляет меня улыбнуться.

— Не могу же я отправить тебя на бал в чём попало, — тянет она. — Сегодня будешь тёмной феей. Очень тебе подходит.

Она водружает мне на голову чёрную корону с тонкими изогнутыми рогами. Я замираю перед ней, не желая доставлять удовольствие даже попыткой сбросить украшение.

— Мы ведь с тобой обо всём договорились, птенчик? — Стелла одним пальцем приподнимает мой подбородок. Я коротко киваю. — Вот и славно.

Кандалы звякают и падают на пол. Облегчение оказывается почти физическим: онемевшие кисти болезненно покалывает, кровь возвращается в пальцы. Я машинально смотрю на директорский стол — и вижу знакомый конверт с алой печатью Бастиона. Тот самый ответ на моё обращение о месте в Совете. Тот самый отказ, после которого я заснула у себя в комнате и очнулась уже здесь. Прекрасно. Даже собственное унижение Стелла умудрилась оформить со вкусом.

Под её внимательным взглядом я начала переодеваться, демонстративно медленно, превращая процедуру в маленькую издёвку. Если она рассчитывала увидеть растерянную пленницу, придётся разочаровать.

— Птенчик, — Стелла прыскает со смеху. — Ты не моя игрушка. Не трать на меня весь талант.

— Какая потеря, — сухо бросаю я и натягиваю платье.

Ткань ложится по фигуре почти идеально. Мне всё сильнее хочется увидеть Майли и выяснить, каким образом моя младшая сестра оказалась частью этого цирка.

У узкого зеркала я задерживаюсь дольше, чем собиралась. Чёрное платье подчёркивает светлую кожу, тёмный блеск ткани делает лилово-малиновые крылья ещё ярче. Серо-зелёные глаза в отражении выглядят непривычно растерянными. Буквально вчера Академия существовала для меня в рассказах Майли: светлые корпуса, тренировочные галереи, шумные коридоры, бессмертные, которые могли спорить, смеяться, влюбляться и ошибаться без необходимости каждую минуту доказывать собственную полезность. Я хотела сюда попасть. Хотела до абсурда. И вот стою здесь — не ученицей, не членом Совета, даже не правой рукой Ареса. Игрушкой.

За спиной в высоком окне виден кусок внутреннего двора. По каменным переходам бегут ученики в маскарадных костюмах, кто-то перелетает с одной галереи на другую, забыв о лестницах, двое сидят прямо на парапете и делят бутылку вина. Никто не замечает, что в кабинете временной директрисы стоит Хлоя — та самая Хлоя, имя которой в Аду обычно произносят осторожнее. И неожиданно это почти приятно. Здесь моё имя впервые не открывает двери автоматически. Жаль, что вместе с привилегиями Стелла решила отобрать и право распоряжаться собственной жизнью.

— Ну, птенчик, вперёд, — Стелла распахнула дверь. —

Аристарх наверняка уже заждался.

Я бросаю на неё недовольный взгляд и только в коридоре понимаю: кандалов больше нет. Золотая нить на крыльях осталась, но ноги свободны. Стелла забыла? Или специально оставила мне иллюзию выбора? В любом случае проверять стоило.

Я миную главный зал, где бал уже окончательно превратился в хаос. Свечи горят неправильным, синеватым пламенем; с высокого свода медленно сыплются то лепестки, то серебристый пепел; по столам тянутся ряды бутылок вина разных оттенков. Кто-то танцует босиком, кто-то спорит со своей «игрушкой», кто-то уже нарушает придуманные Стеллой правила. Я проскальзываю в дальний коридор. Где-то там должен быть выход. Останется сорвать нить с крыльев, добраться до нейтральной территории и открыть переход в Ад. Иду быстро, не оборачиваясь, разглядываю орнамент каменного пола — и со всего размаха врезаюсь в чью-то грудь. Перед глазами — тёмно-бордовая атласная рубашка с глубоким вырезом, тонкая цепь на шее. Медленно поднимаю взгляд. Ну конечно.

Дальний коридор оказывается почти пустым. За высокими арочными окнами темнеют горы, ниже между корпусами мерцают огни внутренних дворов. Где-то далеко слышен удар тренировочного колокола — видимо, даже во время бала кто-то умудряется заниматься. Галерея поворачивает к лестнице, ведущей в нижние уровни, и на мгновение

я забываю, что пытаюсь сбежать. Вот она, Академия, которую я столько лет представляла по рассказам Майли: живая, огромная, совсем не похожая на строгие залы дворца Ареса. От этого становится ещё обиднее. Я получила желаемое место самым издевательским способом из возможных.

— И далеко ты собралась, куколка? — Аристарх смотрит на меня с той самой самодовольной ухмылкой. Серо-голубые глаза будто пытаются заглянуть прямо в голову. О, милый, тебе лучше вообще не знать, что там.

— Отвали!

Упираюсь ладонями ему в грудь, но Аристарх ловко перехватывает мои запястья. На коже ещё горят красные полосы от кандалов. Скалюсь от злости. Великолепно. Побег продлился меньше минуты. Он что, ждал меня здесь?

— Не надо брыкаться, — он сжимает чуть сильнее, и я невольно морщусь. — Пойдём танцевать, куколка.

«Куколка». Он растягивает это слово по слогам с таким удовольствием, что у меня сводит скулы. Ведёт себя так, будто правила Стеллы действительно превратили меня в его собственность. Наверное, именно этого она и добивалась.

— Не пойду! — гордо запрокидываю голову и тщётно пытаюсь вырвать запястья из его сильных рук.

— Это не приглашение, — Аристарх усмехается. — Считай приказом.

Усталость накрывает раньше злости. В обычной жизни один мой взгляд заставлял чиновников Ада подбирать сло-

ва осторожнее. Я — правая рука Ареса, главнокомандующая Залом Осуждения, дочь Маммона. Но здесь эти титулы внезапно ничего не значат. В Академии я не правая рука Ареса и не судья. Я чужая женщина, которую Стелла вписала в свою игру. И это унижает сильнее кандалов.

— Чего застыла, куколка? — Аристарх ослабляет хватку, но я почти не замечаю этого.

Очнувшись от пугающих мыслей, понимаю, что всё это время смотрю в глаза наглому метису, у которого довольная ухмылка не сползает с лица. Сколько я так на него смотрю? Хочется верить, что всего несколько мгновений.

Аристарх подставляет локоть. Несколько мгновений я смотрю на него, прежде чем всё-таки взяться за предплечье. Под пальцами — чёрный бархат пиджака. От него пахнет мандарином, бергамотом и чем-то древесным, тёплым. Отвратительно приятный запах для настолько раздражающего мужчины.

Мы возвращаемся в зал. Я больше не держу подбородок высоко из принципа — просто иду рядом, потому что сейчас это рациональнее, чем снова бежать. По сторонам вспыхивают взгляды и шёпот. Они обсуждают не меня — образ. Правую руку Ареса, которая за один вечер превратилась в чью-то игрушку. И впервые за долгое время я не могу одним приказом прекратить чужой разговор.

Оркестр играет вальс. За фортепиано седой бессмертный почти всем телом проживает каждую фразу, а пары скользят

по светлому камню под сводами. Среди танцующих я нахожу Майли — и рядом с ней мужчину, удивительно похожего на Аристарха. Только в нём меньше вызова: светлые волосы, небесно-голубые глаза, белые крылья. Ещё один метис. Они действительно учатся здесь. Не гости, не пленники — ученики. Эта мысль почему-то застревает сильнее всего.

Я оглядываюсь внимательнее. До этого метисы растворялись для меня в общей толпе, потому что я даже не предполагала, что должна их искать. Теперь замечаю ещё несколько смешанных крыльев, необычные оттенки перьев, лица, в которых не угадывается привычная ангельская или демоническая линия. И никто не прячется. Никто не стоит отдельно. Кто-то спорит у колонны, кто-то смеётся с демонами, одна девушка-метис танцует с ангелом и совершенно не выглядит бессмертной, которой приходится просить разрешения на сам факт своего существования. Похоже, пока я годами сидела рядом с Аресом и читала отчёты, общество успело сделать несколько шагов вперёд без моего участия.

Резкий взмах скрипки заставляет пары одновременно сменить направление. Аристарх кладёт ладони мне на талию. Я с короткой задержкой обхватываю его плечи, стараясь не касаться обнажённой шеи. Мы неожиданно легко попадаем в общий ритм. Отвожу взгляд. Чёрт его побери. Он что, ещё и хорошо танцует?

— Так откуда же ты взялась, невинное создание? — спрашивает он, не отрывая от меня взгляда. — Почему Майли

так тщательно прятала от нас такой бриллиант?

Я смотрю на него с откровенным раздражением. Аристарх отвечает лишь лёгким нажимом ладони на талии, будто напоминает: по правилам сегодняшнего вечера именно он получил право задавать вопросы.

— Какое тебе вообще есть дело до меня? — процеживаю сквозь зубы, не скрывая своей ненависти к этому самовлюблённому.

Скрипки и виолончели снова меняют рисунок. Аристарх подхватывает меня, на мгновение отрывает от пола и разворачивает вместе с потоком танца. Мы оказываемся почти вплотную. Его взгляд скользит по моим запястьям и задерживается на красных следах от металла. На секунду ухмылка исчезает. Он ослабляет хватку — едва заметно, но я замечаю.

Жду, что после этого он обязательно съязвит, но Аристарх молчит. Несколько тактов его ладонь лежит на моей талии заметно мягче. Это длится недолго — ровно до того момента, пока он ловит мой удивлённый взгляд и снова кривит рот в ухмылке. Словно случайно показывает что-то настоящее и тут же спешит спрятать обратно. Интересно. Значит, под всей этой бравадой всё-таки есть что-то кроме желания бесить окружающих. Отмечаю наблюдение почти профессионально и тут же раздражаюсь на себя. Я что, уже составляю на него мысленное досье?

— Поверь мне, куколка, — выдержав паузу, метис, словно издевается, щекотал своим дыханием мою шею. — Теперь у

нас много общего.

— В самом деле? — отвожу шею от него насколько это возможно и вопросительно изгибаю бровь. Какой-то метис будет говорить мне о том, что у нас много общего? — Да что ты знаешь обо мне, мерзавец?

Мы кружимся вместе со всеми, но разговор постепенно превращается в отдельную игру, понятную только нам двоим. Я почти перестаю слышать зал. Остаются его раздражающе спокойная улыбка, живая музыка и ощущение, будто каждый из нас пытается первым найти слабое место другого.

Дирижёр хлопает в ладоши — пары должны смениться. Аристарх меня не отпускает. Я нахожу Майли: она тоже остаётся со своим светлокрылым метисом, смеётся и утыкается ему в плечо. Прекрасно. Значит, разговор с сестрой становится всё необходимее.

— Боюсь, тебе придётся ответить мне на вопросы, — Аристарх словно прослеживает мой взгляд и, явно пытаясь отвлечь меня от переглядываний с сестрой, прерывает молчание. — Куколка…

— Никакая я тебе не куколка! — не выдержав, процеживаю и, гневно испепеляя его взглядом, возмущаюсь его довольной ухмылке на лице.

— Что ж ты такая недотрога? — метис изучающе обводит меня взглядом. — А-а, кажется, я понял…

Аристарх резким движением притягивает меня к себе и утыкается носом в мою шею. Он медленно и глубоко вдыха-

ет мой аромат. Стараюсь в этот момент не дышать, прикрыв глаза.

— Ты набиваешь себе цену, — тянет Аристарх. — Ты привыкла быть важной фигурой рядом с Аресом. А сейчас бесишься не только потому, что стала игрушкой. Ты бесишься потому, что впервые за несколько тысяч лет решаешь не ты.

Слова попадают слишком точно. Я дёргаюсь, пытаясь освободиться, но его руки удерживают талию. Больше всего раздражает не сила Аристарха, а то, что часть сказанного я не могу сразу отбросить как глупость.

— Заткнись, — шепчу я так же ему на ухо.

— Не то что? — Аристарх чуть отстраняется. — Оскорбишь меня? Ударишь? Или придумала что-нибудь интереснее?

— Я сказала, заткнись, — гневно процеживаю, стараясь держать себя в руках. — В мои планы не входило общение с… метисом.

Окидываю его взглядом. Если забыть на секунду о характере, Аристарх до неприличия привлекателен: резкие скулы, светлые глаза, тёмные волосы, беспорядочно падающие на лоб, чёрные крылья с серебристым блеском. Проблема в том, что язык у него работает быстрее, чем здравый смысл. И я понятия не имею, почему Майли так спокойно танцует с его братом.

— Какая жалость, — театрально тянет метис, дёргая уголком рта. — Жаль только, что твоя сестрёнка предпочла ме-

тиса в общении, а не тебя.

Задыхаюсь от возмущения и ищу Майли в толпе. Сестра действительно флиртует со светловолосым метисом. Выходит, Аристарх не врёт. Ненавижу, когда он оказывается прав.

— Что ж, — вздыхая, перевожу взгляд на метиса, который держит меня за талию, а я… всё ещё держу его за идиота. — Я устала. Пригласишь даму выпить?

Нужно хотя бы вернуть себе ощущение контроля. Моё появление в Академии оказалось неожиданным даже для меня самой, но это ещё не повод позволять кому-то любоваться моей растерянностью. Аристарх удивлённо приподнимает бровь, затем галантно подставляет локоть.

По краям зала скользят официанты с подносами. Я беру бокал тёмно-лазурного вина и тут же ловлю взгляд Стеллы на другом конце зала. Она поднимает свой бокал в немом тосте. «Я же знала». Обещаю себе: как только разберусь, каким образом она вообще притащила меня сюда, этот тост ей ещё припомнится.

Со спины налетает Майли. Вино в бокале опасно качается, несколько капель выплёскиваются на край. Я успеваю отступить, спасая чужое платье от пятен.

— Сестра! — Майли обнимает меня так резко, что я на секунду забываю обо всём остальном. Длинные тёмные волосы щекочут щёку, серо-голубые глаза блестят от слёз, за спиной дрожат насыщенно-красные крылья. — Я так скучала по тебе, Хлоя. Ты даже не представляешь…

К нам подходят оба метиса. Сходство между ними видно сразу — линия скул, разрез глаз, упрямая складка губ. Но Кристиан выглядит светлее и спокойнее брата: песочно-русые волосы, небесно-голубые глаза, почти белые крылья. Аристарх рядом с ним кажется нарочно собранным из тени и насмешки. Машинально поправляю Майли прядь волос и вдруг понимаю, что пропустила целый кусок её жизни.

Теперь, когда они стоят рядом, различия бросаются в глаза сильнее сходства. Кристиан держится спокойно, почти по-аристократически, не навязывает присутствие и оставляет Майли пространство даже тогда, когда касается её плеча. Аристарх будто существует наоборот: занимает слишком много места одним взглядом, улыбается так, словно уже знает, чем закончится любой спор, и всё время проверяет границы собеседника. Но между братьями есть короткие движения, которые невозможно подделать: один едва заметно меняет позу — второй уже понял; один замолкает — второй подхватывает. Не дружба. Что-то значительно старше и прочнее. Наверное, так выглядят бессмертные, которые слишком долго выживали только вдвоём.

— Кстати, познакомься, — Майли вытирает щёки и берёт своего кавалера под руку. — Это Кристиан. Мой парень.

Перевожу гневный взгляд на кавалера сестры, который приветливо улыбается мне. Мой… кто?!

— Но я думала, что… — удивлённо возвращаюсь глазами к Майли.

— Нет, Стелла здесь ни при чём, — Майли отмахивается. — Наш союз добровольный.

— И как давно ты с моей сестрой вместе? — щурю взгляд на светловолосого метиса. Как я могу ему доверять самое сокровенное?

— Совсем недавно.

Кристиан не начинает оправдываться и не пытается понравиться мне любой ценой. Просто спокойно выдерживает взгляд. Когда Майли передёргивает от прохлады, он снимает пиджак и накидывает ей на плечи. Слишком естественный жест, чтобы быть показухой. Это раздражает ещё сильнее: мне хотелось бы найти в нём очевидный недостаток.

Я перевожу взгляд на Аристарха. Метисы в Академии. Метис встречается с моей сестрой. И никто вокруг не выглядит так, будто происходит нечто незаконное. Мир, похоже, успел измениться значительно сильнее, чем я позволяла себе замечать из кабинетов Ада.

— Крис, Аристарх, — Майли криво улыбается и хватает меня под руку. — Хлоя, можно тебя на минуту?

Она уводит меня подальше от близнецов. Кажется, сестра готова мне вот-вот рассказать то, о чём они явно не должны были слышать. О, интересно…

— Сестра, — Майли тяжело вздыхает. — Я знаю, что твой визит в Академию — полное безумие и больная фантазия Стеллы, которая каким-то образом воплотилась. Но послушай…

Её мягкие ладони обхватывают мои запястья — осторожно, чтобы не задеть красные следы от кандалов. В голосе столько знакомого тепла, что внутри что-то неприятно сжимается. Я действительно скучала. Сильнее, чем позволяла себе признавать.

— Я вижу, как ты напрягаешься рядом с ним, — Майли едва заметно кивает в сторону Аристарха. — Дай ему шанс раскрыться. Только не позволяй ему решать за тебя всё подряд.

Последняя фраза нравится мне значительно больше первой. Доля правды всё равно царапает. Я умею вести переговоры, управлять кризисами, заставлять целые кабинеты молчать после одной реплики. Но обычное общение, где нельзя спрятаться за должность, почему-то превращает меня в колючее существо. Может быть, потому что здесь впервые не существует заранее написанного протокола.

Я привыкла, что любой разговор имеет цель: добиться подписи, склонить на свою сторону, получить сведения, закрыть спор. Даже дружелюбие в Аду часто похоже на инвестицию, от которой когда-нибудь ждут возврата. Здесь же всё иначе. Майли может беспокоиться просто потому, что я её сестра. Кристиан может отдать ей пиджак без дипломатического расчёта. Аристарх может раздражать меня исключительно ради удовольствия увидеть реакцию. Для бессмертных вокруг это, вероятно, обычная жизнь. Для меня — система без инструкции. И я уже начинаю подозревать, что

именно поэтому Академия всегда казалась мне такой заманчивой.

— Он может показаться эгоистичным. И, ладно, иногда он именно такой. Дай ему время. Но будь осторожна, хорошо? — заканчивает Майли. — Хлоя? Ты вообще меня слышишь?

Отвожу взгляд — и, конечно, он падает именно на Аристарха. Тот разговаривает с братом и впервые за вечер не смотрит на меня. В бордовой рубашке и чёрном бархатном пиджаке он выглядит возмутительно хорошо. Плевать. Хорошая одежда ещё никого не делала хорошим бессмертным.

Испытываю терпение сестры, что так долго уже смотрит на меня исподлобья, ожидая от меня ответа. Закатываю глаза, скрестив руки на груди:

— Да, я тебя услышала, — процеживаю я на выдохе. Ключевые для себя моменты подчеркнула, а дальше… это уже не имеет никакого смысла. — Но почему ты так беспокоишься о моих взаимоотношениях?

Прежде чем ответить, Майли смотрит на Кристиана. Тот замечает её взгляд и едва заметно улыбается. В выражении сестры появляется мягкость, которой я давно у неё не видела.

— Когда я только познакомилась с Кристианом, вела себя примерно так же, как ты сейчас, — признаётся Майли. — Он ухаживал, а я отбивалась и бегала от него, как девчонка.

Сестра тепло улыбается, вспоминая эти моменты. Она лишь задумчиво качает головой.

— Знала бы ты, Хлоя, какой дурочкой я была. Кристиан окружил меня таким вниманием и такой страстью, о которых я раньше только смеялась. И да — он метис. Это ничего не меняет.

Я усмехаюсь. Не потому, что не верю сестре, — скорее потому, что не знаю, как к этому относиться. Тысячелетиями метисы существовали для меня где-то на краю политических сводок: последствия старых запретов, неудобное напоминание о Разгроме, чужая социальная проблема. А теперь один держит за руку мою сестру, второй несколько минут назад кружил меня в вальсе. Неприятно признавать, насколько мало я вообще о них знаю.

Майли, кажется, читает всё это по моему лицу и не торопит. В детстве она всегда делала так же: могла болтать без остановки, но, если чувствовала, что мне действительно нужно подумать, внезапно становилась удивительно терпеливой. Я смотрю на неё и замечаю ещё одну вещь, которую упустила. Она изменилась не только внешне. В её взгляде появилось спокойствие бессмертной, которая уже успела ошибиться, влюбиться, поссориться, простить. То самое, чего мне никогда не давали никакие должности. Пока я училась управлять последствиями чужих поступков, Майли просто училась жить. Зависть к ней оказывается почти болезненной — и тут же становится стыдно.

— Миледи, — Аристарх обнимает меня за плечо одной рукой. Я кривлю губы, но не убираю её. Что ж, сыграем. —

Сестринские сплетни закончились?

Кристиан улыбается на колкость брата. Майли смущённо опускает глаза. Я поворачиваюсь к Аристарху и ловлю его взгляд — глаза, губы, снова глаза. Что ты задумал, чёрт тебя побери?

— Сестринские сплетни могут длиться тысячелетиями, — отвечаю с хитрым прищуром и почти шёпотом, по слогам произношу: — А-ри-старх.

Улыбка метиса медленно ползёт вверх. Кажется, он оценил такой жест. Конечно, я же его игрушка, которая «должна слушаться». Но неужели он настолько привык к женскому вниманию, что мои перемены его даже не смущают? Он ведёт себя так невозмутимо, будто бы это обыденные действия девушек в его сторону. Сукин сын!..

Кристиан подходит к брату и что-то тихо говорит ему на ухо. Метисы коротко кивают друг другу. Через минуту Майли и Кристиан исчезают в толпе. Сестра напоследок улыбается мне уголком рта. Предательница. Я остаюсь с Аристархом одна — и только теперь вспоминаю, что по правилам Стеллы у него действительно слишком много власти надо мной.

Без нормальной выпивки этот день не пережить. Беру с подноса бокал вина и делаю несколько больших глотков. Холодный терпкий напиток обжигает горло и понемногу притупляет напряжение. На стекле остаётся след тёмно-вишнёвой помады. Аристарх наблюдает за мной слишком внимательно.

— Надеюсь, ты не собираешься напиваться до беспамятства? — усмехается он, забирает бокал и допивает остаток. — Я не люблю играть с теми, кто потом ничего не помнит.

Возмущение вспыхивает мгновенно. Мы знакомы считаные часы, а он уже позволяет себе такие намёки? Я разворачиваюсь и отвешиваю ему пощёчину. Если Стелла решила превратить Академию в цирк с «игрушками», это ещё не делает меня доступной частью программы.

— Полагаю, ты решила, что я собираюсь затащить тебя в постель? — взгляд Аристарха становится холоднее. Он перехватывает меня за подбородок, не больно, но слишком бесцеремонно, вынуждая смотреть прямо на него. Жест наглый до невозможности. И именно поэтому тело предательски отвечает на близость раньше, чем разум успевает возмутиться.

Он наклоняется так близко, что его дыхание касается моих губ.

— Какая же ты жалкая, куколка…

Я сглатываю. В его глазах я, возможно, и выгляжу жалко: женщина, которую лишили привычной власти и выставили на обозрение. Но жалость к себе — последнее, что я собираюсь ему подарить. Из меня пытаются сделать вещь. Значит, придётся очень быстро объяснить разницу между вещью и мной.

Вокруг продолжается музыка, кто-то смеётся всего в нескольких шагах, звенят бокалы, а мне внезапно становится ясно, насколько абсурдно всё устроено. В Зале Осуждения я

сама определяю чужую дальнейшую судьбу. Там достаточно поднять руку, чтобы стража подчинилась. Здесь достаточно Стелле произнести слово «игрушка», чтобы моя собственная воля стала предметом коллективного развлечения. Возможно, именно поэтому я так бешусь: впервые оказалась по другую сторону решения, принятого без моего согласия. И нет, это не делает затеи Стеллы справедливой. Но объясняет, почему мне хочется разнести половину Академии голыми руками.

— Я не из тех, кто ложится в койку с таким, как ты.

Отстраняюсь с довольной ухмылкой. Один-один, метис. Жалкие не становятся правой рукой Ареса. Жалкие не командуют Залом Осуждения. Жалкие не принимают решения, после которых меняются чужие вечности. И уж точно жалкие не учатся вырывать обратно собственную свободу.

— Ты всегда так хмуришься, когда не получаешь желаемого? — Аристарх первым разрезает молчание.

Удивленно вскидываю брови.

— «Всегда»? Мы знакомы несколько часов.

Аристарх отпускает меня. Я могла бы уйти. Коридор свободен, его руки больше не держат. И всё же остаюсь. Мы смотрим друг на друга с одинаковым упрямством, и наши колкости уже меньше похожи на настоящую ненависть, чем мне хотелось бы. Если я игрушка, он явно решил играть словами. Что ж. В этом я тоже кое-что умею.

— Однажды мы уже встречались, Хлоя.

Я замираю. Аристарх улыбается уголком рта и делает шаг ближе. В его выражении нет сомнения — он действительно меня помнит.

— Это было давно, — говорит он, касаясь пальцем моего подбородка. — После реформ, когда отменили закон чистой крови и метисам наконец перестали запрещать нормально существовать. Мы с Кристианом тогда только выбрались из катакомб и некоторое время постоянно мелькали перед теми, кто решал, что с нами делать дальше. Арес тоже видел нас. И ты почти всегда была рядом с ним. Гордая, важная, холодная. Даже не посмотрела в нашу сторону. Для тебя мы были бывшими рабами, которых внезапно пришлось признать частью общества.

— Я такой и была, — отвечаю тихо. — Моя работа приучила смотреть прежде всего на последствия, а не на лица.

— Возможно, — Аристарх неожиданно легко кивает. — В этом ты права.

Он проводит пальцами по блестящей ткани моего платья, ненадолго сжимая её в кулаке. Между нами снова натягивается тишина. Аристарх отпускает ткань и поднимает взгляд. Насмешка возвращается, но теперь в ней есть что-то более личное.

— Забавно, правда? Один день — и всё переворачивается. Тогда ты могла не замечать нас. А теперь тебе придётся смотреть.

Он произносит это почти лениво, но в словах нет прежней

лёгкости. Я вдруг вспоминаю большой зал во дворце Ареса, длинный стол, папки с отчётами и двух молодых метисов у дальней стены. Тогда я действительно прошла мимо. Не потому, что ненавидела их — потому что была занята очередным спором о распределении ресурсов после Разгрома и даже не задумалась, кто именно стоит рядом. Для меня они были частью документа, одной из проблем, которую требовалось оформить, учесть и передать дальше. Сейчас один из этих «пунктов отчёта» стоит передо мной и помнит моё равнодушие лучше, чем я помню его лицо. Неловкое открытие. И неприятно честное.

Глава 4. Битва за свободу

Первая ночь в Академии проходит отвратительно. Я то проваливаюсь в тяжёлый сон, то резко просыпаюсь от ощущения, будто мне снова перекрыли воздух. Под утро сдаюсь окончательно: лежу с открытым окном, слушаю прохладный ветер и пытаюсь переварить всё, что произошло за последние сутки. Академия. Майли. Стелла. Аристарх. Особенно Аристарх. Слова сестры о том, что мне стоит хотя бы попробовать узнать его, никак не желают исчезать из памяти. На фоне всего остального остаётся только порадоваться, что я до сих пор не сошла с ума. Пока что.

Ещё вчера после тяжёлого рабочего дня в Аду я уснула в собственной постели. Теперь уже ясно: тот «кошмар» не был сном. Кто-то действительно прижал подушку к моему лицу, лишил воздуха и дождался, пока я потеряю сознание. А потом меня похитили буквально из-под носа у Ареса. Лиц похитителей я не помню. Зато прекрасно помню Стеллу, которая привела меня в чувство перед самым представлением в главном зале Академии. Кандалы оттягивали запястья, крылья были стянуты золотой нитью, а сотни бессмертных смотрели, как правую руку Ареса и главнокомандующую Залом Осуждения превращают в «птенчика» и назначают чьей-то

игрушкой.

Но сильнее всего задевает другое. «Однажды мы уже встречались с тобой…» Аристарх помнит меня той Хлоей, которая проходила мимо метисов, не замечая их. Тогда я стояла рядом с Аресом и смотрела на мир сверху вниз. Сегодня всё перевернулось: теперь он может преградить мне дорогу, схватить за руку, назвать куколкой — и я вынуждена считаться с правилами чужой игры. Забавно. Вчера я была для него недосягаемой фигурой при дворе. Сегодня он держит нитку от моей клетки. Бойся своих желаний, Хлоя…

Мне выделили одну из немногих свободных комнат на последнем этаже восточного корпуса. Просторная кровать с однотонным льном, небольшая гардеробная, собственная ванная и холодные серо-синие стены — после тысячелетий среди вечного жара Ада это почти роскошь. За открытым окном видны светлые башни Академии, каменные переходы между корпусами и дальняя полоска воды у каменистого берега. Там, в Аду, всё окрашено огнём: красное, оранжевое, золотое. Здесь же воздух будто прохладнее даже на вид. И всё равно комната пока не ощущается моей.

Неторопливо встаю с постели. На пуфе лежит аккуратная стопка одежды, которой вчера точно не было. Сверху — записка на пергаменте. Размашистый почерк узнаю сразу и

невольно улыбаюсь.

«Доброе утро, сестрёнка!

Не стала будить — тебе явно нужен хороший отдых после вчерашнего.

Я подготовила для тебя лучший наряд в этом мире. И нет, я не преувеличиваю!

На комоде остывает завтрак. Поешь обязательно: сразу после этого спускайся на задний двор, там будет общее собрание…

В общем, жду тебя внизу.

Целую, Майли»

Оборачиваюсь к комоду. Большая тарелка с сырами, мёдом и орехами, рядом — фарфоровый чайник с бергамотом. Только Майли могла вспомнить именно это. Тянусь к кусочку сыра, макаю край в мёд и вдруг понимаю: сестра помнит вкус, который я сама давно перестала замечать. От этого почему-то становится тесно в груди. Делаю глоток чая и заставляю себя вернуться к сегодняшнему дню. Что ещё придумала Стелла? Какой очередной цирк ждёт нас во дворе? И почему, чёрт побери, мне интересно, в каком настроении Аристарх?

Натягиваю чёрные леггинсы и короткий топ — по версии Майли, «лучший наряд в этом мире». Узнаю её вкус с первого взгляда. Обычно я бы спрятала фигуру под кожаным плащом, но его здесь нет, так что остаётся смириться. Собираю волосы в высокий хвост, оставляя у лица одну непослушную прядь. Отражение выдаёт бессонную ночь лучше любых слов. Вчерашний день хочется стереть, но пути назад всё равно нет. Придётся адаптироваться. Или найти способ вернуть свободу.

Спускаюсь по лестнице и, заглянув в одну из широких арок, вижу задний двор Академии. Светлый камень площадки ещё влажный после ночной росы, между колоннами тянутся флаги Бастиона, а за оградой спускаются к берегу ступенчатые сады. Ученики постепенно заполняют двор, собираясь небольшими компаниями. Сразу ищу Майли и почти мгновенно замечаю рядом с ней Кристиана — светловолосого, безупречно собранного, с почти белыми крыльями за спиной. Рядом — тёмные прямые волосы сестры и вспышка её красных перьев. Чуть поодаль стоит Аристарх. Тёмные волосы растрёпаны ветром, серо-голубые глаза лениво скользят по толпе, а чёрные крылья отливают серебром на солнце. Словно почувствовав мой взгляд, он поднимает голову. Мы встречаемся глазами — и я, к собственному раздражению, на секунду замираю.

Спускаюсь во двор и протискиваюсь сквозь учеников к

сестре. Майли тут же обнимает меня, отстраняется, придирчиво оглядывает с головы до ног и присвистывает:

— Зад у тебя, сестрица, что надо! Я же говорила, что это лучший наряд, — смеётся Майли и шлёпает меня по ягодице. — Чёрт, эти леггинсы идут тебе гораздо больше, чем моей костлявой заднице!

Закатываю глаза, но усмешку скрыть не получается. Кристиан лишь коротко кивает мне в знак приветствия и снова переводит внимание на Майли, обнимая её за талию. Аристарх, напротив, разглядывает меня с совершенно бесстыдным интересом. Я отвечаю ему сдержанным кивком и заранее обещаю себе: сегодня — холодно, коротко и без его игр. Обещания хватает секунд на тридцать.

— Какая же встреча без объятий, куколка? — Аристарх разводит руки, и уже через мгновение я оказываюсь прижата к его груди. Объятие длится ровно настолько долго, чтобы перестать казаться простой издёвкой, но недостаточно, чтобы я успела придумать ему оправдание. — Я соскучился.

Я уже собираюсь съязвить, но замечаю: он снова не касается того места на запястье, где вчера остались красные следы от кандалов. Второй раз. Случайность начинает выглядеть слишком осознанной. Впрочем, спрашивать об этом я не со-

бираюсь. Мы знакомы всего ничего, а ведём себя так, будто годами знаем, куда ударить словом. *Неужели мне и правда интересно, что скрывается за его бесконечной ухмылкой?*

— Какая ручная куколка, — шепчет он мне на ухо так тихо, чтобы Майли и Кристиан не услышали. — Вчера зубки показывала куда охотнее.

Медленно провожу ладонью по его спине и поднимаюсь к шее. Пальцы цепляют тёмные пряди у затылка. Если он решил играть — я хотя бы не позволю ему выбирать правила в одиночку.

— А ты вчера был менее дружелюбен, — отвечаю, едва касаясь губами его уха. — Неужели за ночь в твоей голове произошло что-то похожее на развитие?

Отстраняюсь и ловлю его взгляд. Ни ответа, ни смущения — только довольная тень улыбки. *Не на ту нарвался, мальчик.* Его ладони лежат на моей талии, мои — на его плечах. Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, и первой отвожу глаза именно я. *Хлоя, какого хрена?* Отступаю на шаг, чувствуя себя проигравшей в игре, правила которой ещё даже не успела понять.

Стелла появляется во дворе так, будто выходит на соб-

ственную сцену. Платиновые волосы ловят солнечный свет, а за спиной переливаются перья необычных крыльев — сливовые, лиловые, местами почти синие. Ученики перед ней расступаются, а на лице временной директрисы сияет та самая улыбка, после которой обычно хочется искать ближайший выход.

— Доброе утро, зверушки, — елейно тянет Стелла, оглядывая двор. — Я к вам, как всегда, с гениальной идеей!

Майли рядом едва заметно закатывает глаза. Судя по реакции, фраза действительно коронная. Большинство учеников, наоборот, оживляется. Кто-то смеётся, кто-то начинает перешёптываться, кто-то даже аплодирует. Удивительно, как быстро хаос становится привычным, если его подают достаточно весело.

— Я знаю, как некоторые из вас рвутся на свободу и мечтают показать собственные амбиции, — продолжает Стелла. На слове «амбиции» её взгляд останавливается на мне. На долю секунды улыбка становится тоньше. — Для таких зверушек у меня есть сюрприз.

Прекрасно. Что на этот раз? Ещё один внезапный родственник? Новое правило, согласно которому игрушка обязана спать у ног хозяина? Я уже ничему не удивлюсь. Сердце

ускоряется не от страха — от раздражающего предчувствия, что Стелла опять решила превратить чужую жизнь в развлечение.

— Сегодня будет состязание, — объявляет она. — И у него есть приз. Тот, кто первым пересечёт финиш, освобождает от моей игры себя и свою пару. Никаких «игрушек», никаких хозяев. Свобода.

Двор мгновенно взрывается разговорами. Вот теперь смеются уже не все. Для многих это не просто забава. Аристарх, стоящий в стороне, едва заметно качает головой. Я встречаю его взгляд, но он не объясняет жест. Майли улыбается мне ободряюще: её отношения с Кристианом добровольны, зато она прекрасно понимает, что для меня этот приз значит совсем другое.

Одним движением Стелла заставляет двор замолчать. Когда-то так же я поднимала руку в зале Осуждения — и сотни голосов обрывались по моему приказу. Теперь я стою в толпе и жду чужих правил. Неприятное ощущение. Я столько лет строила своё место рядом с Аресом, а потом столько же мечтала вырваться из Ада и увидеть Академию. И вот мне предлагают шанс вернуться. Первая мысль — схватиться за него. Вторая приходит следом, гораздо тише: *а разве не оттуда я столько лет пыталась сбежать?*

— Правила простые, — продолжает Стелла. — До последнего рубежа проходите трассу командами. Потеряете кого-то — сами решайте, ждать или бросать. После каменной стены каждый идёт за себя. Первый на финише получает свободу для себя и своей пары. Крылья запрещены. Нарушителей вышвырну с трассы лично.

Она отходит в сторону и щёлкает пальцами. Пространство за её спиной будто собирается из воздуха: высокий лабиринт, заросший ядовитым плющом, сеть магических световых нитей, гладкая каменная стена и ещё несколько участков, скрытых за поворотом. По толпе проходит восхищённый гул. Я смотрю на финиш вдали и чувствую, как внутри поднимается упрямство. Мне нужна эта победа. Хотя бы затем, чтобы доказать Стелле: меня нельзя удержать только потому, что ей так захотелось.

— А что будет с теми, кто придёт последним? — спрашиваю, скрестив руки на груди. Стелла переводит на меня взгляд, а вместе с ней — половина двора.

— Ничего, — усмехается она. — Не получат свободу. Всё ведь предельно ясно. Или правила нужно повторить на языке, доступном исключительно правым рукам Ареса?

Несколько учеников смеются. Я чувствую, как Аристарх пытается поймать меня за запястье, но делаю шаг вперёд раньше. *Не вмешивайся, подстрекатель.*

— Тогда объясни другое, — говорю громче, чем собиралась. — Ты объявляешь это командным испытанием, но свободу отдаёшь одному. Разрешаешь бросать участников по дороге и называешь это «сближением». Где здесь твоя *гениальная* логика? И кто вообще решил, что тебе стоит доверить Академию?

Смех обрывается. Кто-то ахает, кто-то прикрывает рот ладонью. А потом из задних рядов доносится почти неслышное: «Она права». Следом — торопливое: «Тише, Стелла услышит». Стелла слышит. Я вижу это по тому, как на мгновение исчезает её улыбка. Она развлекалась с учениками, пока они были зрителями. Я же только второй день здесь и уже заставила кого-то вслух усомниться в её правилах. *И кто тогда здесь игрушка?*

Аристарх всё-таки хватает меня за запястье и резко разворачивает к себе:

— Ты в своём уме? — шипит он. — Закрой рот, пока она не закрыла его за тебя.

— Сам заткнись! — дёргаю руку на себя. — Почему вы все ей потакаете?

Ищу поддержки хотя бы у Майли. Сестра стоит рядом с Кристианом, поджав губы, и не двигается. На секунду это ранит сильнее, чем должно. Потом замечаю, как Кристиан едва заметно удерживает её за локоть. Не равнодушие. Осторожность. Здесь все явно знают о Стелле что-то, чего пока не знаю я.

— Почему они мне потакают? — Стелла смеётся, но теперь в смехе меньше веселья. — Потому что, птенчик, я здесь главная.

Она идёт ко мне медленно, цокая каблуками по камню. Толпа расступается ещё шире. Сердце бьётся быстро, но отступать поздно — да и не хочется.

— Думаешь, тебе можно всё? — спрашиваю, наконец вырывая руку из пальцев Аристарха.

Стелла обхватывает моё лицо ладонью. Острые ногти впиваются в щёки. Она улыбается так близко, что я вижу мельчайшие складки у её глаз. Вокруг становится подозрительно тихо. И пусть. Если уж меня решили выставить перед всей Академией игрушкой, пусть хотя бы запомнят, что игрушка

умеет кусаться.

— Ты ещё смеешь пререкаться со мной? — Стелла сжимает пальцы сильнее. — В Аду твои подчинённые давно бы ползали перед тобой на коленях. Так почему же ты, птенчик, никак не научишься тому же?

Не отвожу взгляда. В Аду за подобное неповиновение действительно можно было исчезнуть в небытии. Но именно поэтому мне особенно мерзко требовать от себя покорности только потому, что роли поменялись.

— Твоя игрушка слишком много себе позволяет, — бросает Стелла Аристарху. — Даю тебе право её наказать. Чтобы в следующий раз сначала думала, потом открывала рот.

Аристарх коротко смотрит на Стеллу. Их взгляды встречаются всего на секунду, но этого достаточно, чтобы внутри неприятно кольнуло. Потом он кивает — без привычной ухмылки. Стелла отпускает меня и возвращается на своё место, будто ничего не произошло.

— Хлоя, Люцифер, Дени и Майли — первая команда, — объявляет она. — Кристиан, Сара Томлинсон, Том и Ян — вторая. Ещё четверых отправим в третью.

Я сжимаю кулаки. Аристарх снова касается моей руки, но на этот раз не удерживает — лишь на мгновение проводит пальцами по запястью и убирает ладонь. Майли тут же подлетает ко мне:

— Я помогу тебе дойти до стены, — шепчет она. — Но, пожалуйста, больше не перечь Стелле. Её наказания всегда работают в обе стороны. Если она злится на тебя, достанется и Аристарху.

Смотрю на сестру внимательнее. Значит, «игрушка» — не только право распоряжаться другим, но и общая ответственность. Удобная система: привязать двоих так, чтобы страх за второго оказался крепче любой цепи.

И как только я раньше этого не поняла?

— Аристарх сегодня вне зачёта, — словно прочитав мой вопрос, добавляет Стелла. — У него уже есть персональное поручение.

По двору проходит новый шёпот. Теперь всё окончательно перестаёт быть просто весёлой эстафетой. Двенадцать участников выходят к старту, но мне кажется, будто на кон поставили куда больше, чем одну красивую формулировку о свободе.

Полоса препятствий вблизи выглядит гораздо хуже. Лабиринт выше двух метров, магические нити пульсируют в воздухе, каменная стена уходит вверх почти отвесно. Остальные ученики хотя бы тренировались здесь на практических занятиях. Я же большую часть жизни провела в кабинетах, Зале Осуждения и за столом переговоров. Силы у меня есть. Привычки применять их вот так — нет.

У стартовой линии снова замечаю Аристарха. Он отбрасывает растрёпанные тёмные пряди назад и смотрит на меня так, будто уже знает финал. И, Элохим, почему ему вообще идут эти чёртовы волосы? Хлоя, не об этом сейчас.

Неподалёку замечаю Дени. Короткие тёмные волосы чуть растрепал ветер, светло-голубые глаза смотрят открыто, а белые крылья сложены за спиной так аккуратно, будто даже перед стартом он умудряется сохранять спокойствие. Совсем не тот образ, который ожидаешь от хранителя Пограничных Врат.

— Мисс…

Оборачиваюсь. Дени смотрит на меня с искренним восхищением и явно не понимает, как обращаться.

— Просто Хлоя, — улыбаюсь ему. — Рада снова тебя ви-

деть.

— Взаимно. И… спасибо за Натали Бруно. Она счастлива, что получила шанс.

Он кивает в сторону девушки неподалёку. Натали Бруно машет мне рукой. Длинные волнистые чёрные волосы рассыпаны по плечам, на бледной коже видны знакомые татуировки; теперь, уже после решения Зала, за её спиной сложены тёмные крылья. Я отвечаю коротким жестом. Странно видеть результат собственного решения здесь, среди учеников, а не в бесконечной очереди душ перед Залом Осуждения.

— Мне жаль, что всё обернулось для вас так, — тихо добавляет Дени. — Полагаю, в Аду без вас сейчас не слишком спокойно.

Он прав. Без меня разбирательства у врат почти наверняка замедлятся, а застрявшие души будут цепляться за мир живых через сны и страх своих родственников. Я привыкла считать работу рутиной, но стоило оказаться далеко — и впервые стало ясно, сколько всего держалось на этой рутине.

— Если выиграете, скоро вернётесь и всё исправите, — говорит Дени. — Пусть победит сильнейший.

Он поднимает сжатый кулак. *Как же хочется верить тебе, Дени.*

Майли крепко сжимает мою руку и отпускает. Я закрываю глаза, вдыхаю прохладный весенний воздух и принимаю стартовую стойку. Знал бы Арес, чем сейчас занимается его правая рука. Наверняка смеялся бы первым.

— Не слишком рассчитывай на эту победу, куколка, — тихо говорит Аристарх из-за ограждения.

— Угрожаешь?

— Предупреждаю.

Он на мгновение переводит взгляд на Стеллу. Этого жеста я не успеваю понять: оркестр обрывается, к стартовой линии выходит один из её помощников.

— На старт! — выкрикивает он. — Внимание…

Внутри всё собирается в тугой узел. Не страх. Азарт. Я должна выиграть. Не ради красивого слова «свобода» и даже не ради возвращения в Ад — хотя бы ради права самой решить, куда мне возвращаться.

— Марш!

Клаксон режет воздух, и я срываюсь первой. Крики учеников быстро остаются позади. У входа в лабиринт пахнет мокрой землёй, зеленью и чем-то едко-металлическим. Ядовитый плющ покрывает стены густым ковром: резкое движение — и растение выпускает парализующий пар. Здесь скорость впервые становится врагом.

Я осторожно двигаюсь между зелёными стенами, но первый же поворот заканчивается тупиком. Листья плюща дрожат совсем рядом с лицом. Замираю. Майли за моей спиной замечает узкий проход слева, но Люцифер уже успевает нырнуть туда первым:

— Сюда! — коротко бросает он.

Мы идём за ним цепочкой. Дени придерживает ветви, чтобы они не задевали Майли, я контролирую расстояние до плюща. На секунду мелькает мысль: *а не ведёт ли нас Люцифер в ловушку?* Было бы вполне в его духе. Но впереди действительно оказывается свободный проход.

Уже почти у выхода слышу крик Майли.

— Иди дальше, Хлоя! — кричит Дени.

Я разворачиваюсь. Между нами быстро срастается зелёная перегородка. За ней вижу Майли — она уже оседает на землю, а вокруг лица клубится мутный пар.

— Дени!..

— Я останусь с ней! — успевает выкрикнуть он. — Иди!

Проход ещё открыт на ширину плеч. Я могу вернуться. Всего один шаг — и о победе можно забыть. Делаю его назад. В тот же момент Дени резко мотает головой, а ветви окончательно смыкаются между нами. Последнее, что вижу, — его ладонь на плече Майли. Мне буквально отдали шанс идти дальше. Теперь проиграть будет ещё страшнее.

Вылетаю из лабиринта и почти сразу упираюсь в следующую площадку. В воздухе натянуты тонкие магические нити. Одна касается края камня — и тот с сухим шипением темнеет. Чёрт. Обычная кожа такого не переживёт без долгой регенерации. У ног замечаю россыпь зеркальных пластин. Понимаю замысел: свет можно не «выключить», а перенаправить. Поднимаю одну пластину, ловлю ею луч и медленно смещаю отражение к стене. Получается. Несколько движений — и между нитями открывается узкий коридор.

Прохожу боком, чувствуя жар возле плеча, и только на другой стороне позволяю себе выдохнуть.

Люцифера нагоняю у каменной стены. Девять метров гладкой поверхности, ни одного выступа. Он раздражённо проводит ладонью по камню. Алые перья его крыльев нервно вздрагивают, а тёмные татуировки на шее и предплечьях ещё сильнее подчёркивают раздражение. Я делаю то же и вдруг вспоминаю собственную огненную силу. Прижимаю пальцы к стене — камень шипит и плавится, оставляя неглубокие выемки. Ладони моментально обжигает, зато появляется хоть какая-то опора.

Поднимаюсь медленно. Каждый новый захват приходится буквально выжигать. На середине стены руки начинают дрожать, носок срывается с едва заметной ямки, и сердце на секунду проваливается вниз раньше меня. Удерживаюсь. Снизу Люцифер уже повторяет мой способ — быстро, уверенно и, конечно, без единого комментария. *Вот же засранец.* Когда я добираюсь до верхнего края, пальцы горят так, будто я сунула их в печь.

— Можешь не благодарить, — выдыхаю, подтягиваясь наверх.

— За что? — Люцифер появляется рядом и лениво смот-

рит на мои обожжённые пальцы. — За то, что ты первой решила запечь руки в камень?

— Ты повторил за мной.

— Я воспользовался бесплатной демонстрацией, командующая. Не путай это с восхищением.

— Какая неблагодарная сволочь.

— А теперь каждый за себя, — усмехается он, кивая на финиш вдали. — Постарайся хотя бы проиграть красиво.

Не успеваю ответить: Люцифер уже спрыгивает на другую сторону. — Я тебе это припомню! — бросаю вслед и начинаю спуск. Снизу крики толпы превращаются в далёкий гул. На миг ловлю взгляд Аристарха. Он стоит у ограждения неподалёку от финиша и следит только за мной. Улыбки почти нет.

Спуск оказывается хуже подъёма. Руки дрожат, камень крошится под пальцами. Добравшись до земли, едва успеваю перевести дыхание — впереди уже финишная прямая. Люцифер оглядывается через плечо, ухмыляется и ускоряется. *Ну уж нет.*

Бегу из последних сил. Он спотыкается на неровности, теряет несколько шагов — и я вырываюсь вперёд. Финиш уже совсем близко. Ещё немного. Ещё несколько метров.

Лиана обвивает ботинок и резко дёргает назад. Падаю, закрывая лицо ладонями. Поднимаюсь почти мгновенно — и сталкиваюсь с Аристархом. Он оказывается передо мной слишком вовремя, чтобы это было случайностью.

— Пусти! — пытаюсь обойти его.

— Я предупреждал, куколка, — отвечает он и удерживает меня за плечи.

— Так это и было предупреждение? Ты знал, что она не даст мне выиграть?

Его взгляд на секунду уходит к Стелле. Она стоит у финиша и даже не делает вид, что собирается вмешиваться. Всё становится слишком очевидно.

— Майли наглоталась ядовитого пара, — тихо говорит Аристарх. — Дени уже передал её целителям. Остановись.

— Не смей прикрываться моей сестрой! — дёргаюсь сильнее. За его плечом вижу Люцифера, который снова набирает

скорость. — Отпусти меня, сукин ты сын!

Аристарх ждёт ровно до тех пор, пока Люцифер не проходит мимо. Только тогда его пальцы разжимаются.

— Достаточно.

Люцифер пересекает финиш. Толпа взрывается криками, а я стою в нескольких метрах от линии и не чувствую ничего, кроме пустоты. Я была так близко. Дени остался с Майли, чтобы дать мне шанс. Я обожгла руки, прошла лабиринт, магические нити, стену — и проиграла не трассе. Меня остановили.

И всё же злость на Аристарха оказывается страннее, чем должна. Он не выглядит довольным. Не шутит. Даже не пытается назвать произошедшее игрой. Это только сильнее бесит. Если выполняешь приказ Стеллы — хотя бы имей смелость наслаждаться собственной подлостью. Встречаюсь взглядом с директрисой. Вот она довольна откровенно. Я отворачиваюсь первой. Свобода снова остаётся красивым словом, которое кто-то другой выдаёт по своим правилам. И вдруг вспоминаю неподвижный силуэт Майли за стеной плюща.

— Где Майли?

Кристиан подходит ко мне со стороны здания госпиталя. Лицо у него спокойное только на первый взгляд: челюсть напряжена, пальцы сжаты в кулак.

— В госпитале. Я только оттуда. Целители говорят, яд временный: паралич пройдёт, жизни ничего не угрожает.

Воздух наконец возвращается в лёгкие.

— А соревнование?

— Я снялся, как только узнал, — коротко отвечает он. — Ты бы продолжила бежать, если бы на её месте была Майли?

Ответа не требуется. Кристиан разворачивается и идёт рядом со мной к госпиталю. За всю дорогу мы почти не говорим.

Внутри нас встречают целители и повторяют то же самое: яд плюща парализует мышцы и притупляет чувствительность, но состояние обратимо. Майли лежит неподвижно, глаза открыты, пальцы слегка сведены судорогой. Если не знать, что она слышит и дышит, вид действительно пугает. Опускаюсь рядом с койкой и беру её за запястье. Тёплое. Живое. Только это и удерживает меня от паники.

— Я рядом, малышка, — шепчу и кладу лоб на её плечо. — Прости. Ты дала мне шанс, а я всё равно не дошла.

Кристиан некоторое время стоит у изголовья, проводит ладонью по волосам Майли, а затем тихо выходит поговорить с целителем. За дверью слышатся шаги ещё одного бессмертного. Я даже не оборачиваюсь сразу.

— Какого хрена ты здесь делаешь?..

— Она всё слышит, — говорит Аристарх, кивнув на Майли.

— У меня от неё нет секретов. — Встаю и хватаю его за воротник. Он мог бы перехватить мои руки за секунду, но не делает этого. — Я не хочу тебя видеть. Проваливай.

Отталкиваю его. Аристарх остаётся на месте. Ненавижу. Мне хочется, чтобы Майли сейчас открыла глаза, сказала что-нибудь язвительное, вернула мне почву под ногами. Аристарх смотрит сначала на неё, потом на меня. И впервые за всё наше знакомство в его лице нет ни капли насмешки.

— Прости, но я вынужден это сделать.

Он делает шаг вперёд. Я успеваю только нахмуриться, когда его ладонь оказывается у моего подбородка. Аристарх медленно выдыхает мне в лицо. Мир сразу теряет резкость, колени подкашиваются. Последняя мысль вспыхивает слишком поздно: Стелла всё-таки потребовала наказания. Темнота…

Глава 5. Красная комната

Самое страшное, что можно услышать в собственной голове, — белый шум, который ничем не заглушить. Он не даёт трезво мыслить, стирает ориентиры и оставляет только животный страх от непонимания: кто ты, где ты и что сейчас происходит. Ты не знаешь, сколько времени, какой сегодня день и даже сколько часов выпало из твоей жизни. Словно тебя вырезали из собственной реальности и на время превратили в персонажа, которого кто-то переставляет по сцене без твоего согласия.

Открываю слипшиеся глаза, но мутная пелена не даёт понять, где я. Воздух спёртый, от него неприятно першит в горле. Хочется прокашляться, но сил почти нет. Всё перед глазами плывёт. Пытаюсь осмотреть себя: сижу на коленях на тёмно-бордовом ковре, руки заведены за спину и скованы холодным металлом. *Я напилась и попала в плен?..* Не припоминаю, чтобы пила столько вина. Дёргаюсь — тщетно. Тяжёлые кандалы давят на запястья и тянут руки вниз. От обилия красного начинает рябить в глазах. На секунду кажется, что я снова в Аду. Оживляюсь и пытаюсь разглядеть пространство вокруг.

— Очнулась, — доносится голос спереди. Пытаюсь сфокусировать взгляд, но белёсая пелена всё ещё не исчезает. *Может, я ослепла?..* Передо мной склоняется силуэт. Муж-

ская ладонь касается щеки и приподнимает мой подбородок.
— Не вынуждай меня делать это снова, куколка.

Мгновенно прихожу в себя. Сомнений нет — Аристарх. Его голос я уже успела запомнить слишком хорошо. Когда зрение понемногу собирается в фокус, различаю тёмные волосы, рассыпавшиеся по плечам, серо-голубые глаза и ту самую кривую ухмылку, которая действует на нервы быстрее любого приказа. *Но что он сделал, если голова до сих пор гудит так, будто её набили ватой?* Дёргаю руками, и цепи отзываются сухим звоном. Во рту вязко и горько, словно я не пила несколько суток. Аристарх подносит к моим губам бокал с прозрачной жидкостью.

— Пей, — приказывает он.

Горло пересохло настолько, что времени размышлять над содержимым бокала нет. *Отравит — и чёрт с ним.* Делаю несколько жадных глотков. Вода. Закашливаюсь, но тут же снова тянусь к краю бокала, будто это последний глоток в моей жизни.

— Полегче, — усмехается Аристарх и немного отводит бокал. — Должно стать лучше.

Зрение постепенно проясняется, хотя картинка всё ещё двоится. Вязкость во рту отступает, а голова продолжает неприятно ныть. Больше всего хочется выбраться наружу и вдохнуть свежего воздуха.

— Ч-что… что ты со мной сделал? — выдавливаю, подавляя новый приступ тошноты.

Аристарх склоняет голову набок. Его рука тянется ко мне, большой палец стирает каплю воды с уголка губ. *Как мило, чёртов псих…*

— Усыпил, — равнодушно отвечает он, криво улыбаясь. — По-другому ты бы не успокоилась.

Звеню кандалами и подаюсь к нему корпусом, но Аристарх успевает отступить.

— Кандалы тоже часть «успокоения»? — скалюсь. Зрение наконец возвращается настолько, что я могу рассмотреть место, куда он меня притащил. Это точно не Ад. *Проклятье…* — А спросить разрешения?

— Нет, — Аристарх на мгновение перестаёт улыбаться. — И усыпить тебя без разрешения было паршиво. Стелла потребовала привести тебя на наказание, а я выбрал самый быстрый способ. Не оправдание. Просто факт. Повторять не собираюсь.

— Нет!

— Вот именно.

— Это не аргумент, идиот! — шиплю в ответ.

Оглядываю комнату. Небольшое помещение без окон, стены затянуты тёмно-красным бархатом. Скрытую дверь замечаю не сразу — она почти сливается с обивкой. В приглушённом свете свечей поблёскивают металлические пряжки аккуратно развешенных ремней. В дальнем углу возвышается высокое кресло с резной спинкой, напротив стоит металлический шест. На дубовом столе — графин воды, стоп-

ка чистых полотенец и несколько закрытых деревянных футляров. Пахнет воском, кожей и терпкими благовониями. *Да здесь целое логово садиста!* Но страннее всего другое: всё слишком чисто, слишком организованно, слишком продуманно. Не комната безумца — комната бессмертного, который любит контролировать даже собственные пороки. Аристарх замечает мой взгляд и прыскает со смеху.

Чем дольше смотрю, тем сильнее комната перестаёт казаться случайной прихотью. Здесь нет ни одной вещи, брошенной как попало. Ремни развешены по длине, футляры стоят ровно, свечи выставлены на одинаковом расстоянии, даже вода приготовлена заранее. Аристарх может сколько угодно строить из себя беспечного мерзавца, но это место выдаёт его лучше любого признания: он ненавидит хаос там, где сам должен отвечать за последствия. И почему-то эта мысль тревожит меня сильнее, чем весь красный бархат вокруг.

— Стелла приказала наказать тебя за тот цирк, который ты устроила на собрании. — Он останавливается передо мной. С моего положения взгляд упирается как раз в его ремень, и я раздражённо запрокидываю голову. *Даже не думай сделать хоть что-нибудь против моей воли. Сначала тебя убьёт отец, потом сам Арес.* — А я не люблю, когда мне объясняют, что делать с женщиной.

— Как благородно, — язвлю в ответ.

Аристарх медленно проводит большим пальцем по моей

нижней губе. В его глазах вспыхивает знакомый огонь. Пытаюсь отвести взгляд, но почему-то задерживаюсь на нём дольше, чем следовало бы. *Элохим, прекрати…*

— Не льсти себе, куколка. Дело не в благородстве. Если однажды ты окажешься здесь со мной, то только потому, что сама войдёшь в эту дверь. И останешься только до тех пор, пока сама этого хочешь.

На несколько секунд я забываю, что собиралась злиться. В его словах нет красивой морали и желания показаться лучше. Он произносит их почти лениво, как очевидность. От этого они звучат убедительнее. Слишком легко было бы записать Аристарха в список мужчин, которые считают чужую волю декоративной деталью. Но он только что сам разрушил удобную для себя версию этой истории.

Затаиваю дыхание. Вот так просто он произносит фразу, от которой у меня внутри всё собирается в тугой узел. Аристарх безумен — в этом ему способна составить конкуренцию разве что Стелла. Только её безумие всегда похоже на представление, а его — на тщательно рассчитанную игру. И я пока не понимаю, где в этой игре заканчивается издёвка и начинается что-то настоящее.

— Розги или кожа?.. — Аристарх склоняется к моему уху. Его шёпот обжигает кожу, заставляя сердце биться быстрее. — Что выберешь ты, Хлоя?..

Пожалуй, выберу свободу. Есть такой вариант?.. Даже сейчас он будто предоставляет мне выбор — сомнительная

честь, учитывая кандалы за спиной. Что последует дальше? Розги? Кожа? Собственные руки? Я понятия не имею, насколько далеко Аристарх способен зайти, выполняя приказ Стеллы.

Тело само подаётся вперёд. Поворачиваю голову так, что губами едва касаюсь его щеки, и тут же мысленно ругаю себя. *Твою мать, Хлоя, тебя держат в кандалах, а ты решила с ним флиртовать?!*

— Тогда накажи собственными руками, — шепчу ему на ухо, отчеканивая каждое слово. — К чему все эти игрушки, когда у тебя уже есть одна — живая?

Аристарх отстраняется, и на губах появляется довольная ухмылка. Ну нет… какого хрена? Я успела бросить ему вызов — и теперь сама не понимаю, чего жду в ответ.

— Ты серьёзно думаешь, что мне настолько есть до тебя дело? — спрашивает он неожиданно ровно. В голосе нет ни привычной иронии, ни шутки. — Неужели?

Он сжимает пальцами ткань моего топа и тут же отпускает. На секунду кажется, что Аристарх сам не понимает, что именно хочет сделать или сказать.

— Я не собираюсь тебя наказывать. — Он наклоняется так близко, что стоит податься вперёд — и я коснусь его губ. Но вместо этого руки Аристарха уходят мне за спину, к замку на кандалах. От него пахнет свежим мужским парфюмом и чем-то терпким, едва уловимым. Этот аромат уже успел прочно связаться в голове именно с ним.

Щёлк. Кандалы с металлическим звоном падают на пол. Я растираю освобождённые запястья и молча смотрю на Аристарха, не зная, что раздражает сильнее: собственное облегчение или то, что он действительно отказался выполнять приказ Стеллы.

— Угомони свой пыл перед Стеллой, куколка. В следующий раз наказания может не избежать никто из нас.

Поднимаюсь с пола и отряхиваюсь, но к двери почему-то не иду. Теперь, когда руки свободны, комната уже не кажется ловушкой — только странным отражением самого Аристарха: тёмной, вызывающей и слишком тщательно контролируемой.

— Что это за место? — перевожу взгляд на Аристарха. Он лениво вертит в руках кожаный кнут. *О нет…*

— Моё пристанище, — отвечает он с кривой улыбкой. — Комната садизма и боли. Нравится?

Да, пребываю в полнейшем восторге, твою мать!.. Закатываю глаза и пытаюсь сформулировать вопрос, который не заставит меня пожалеть о собственном любопытстве.

— Сколько девушек ты здесь наказал?

— Ни одну, — отвечает Аристарх и отбрасывает кнут в сторону.

Элохим, какая дура! Зачем я спросила?..

— Очень смешно.

— Ты спросила про наказание. Девушки, которые приходили сюда раньше, знали, зачем приходят.

По спине проходит неприятная волна мурашек. Выходит, для него есть разница между игрой, на которую согласились оба, и наказанием, навязанным Стеллой. Но если её слова были приказом, почему он так легко решил его нарушить?

— Дай угадаю. Пытаешься понять, почему я тебя не наказал?

Чёрт, какой сообразительный… Неужели все мои мысли настолько очевидны? Метисы наполовину ангелы, наполовину демоны, но в Аристархе демонического, кажется, всё-таки больше.

— Я похож на маньяка, как думаешь? — Аристарх делает шаг ко мне. Я машинально отступаю на такой же.

На маньяка?! На самоуверенного психа — определённо. Но после его слов про девушек, которые сами сюда приходят, назвать его бессмертным, который действительно причиняет боль против воли, уже не получается. И это почему-то путает меня ещё сильнее. Его взгляд скользит по мне так откровенно, что кожа начинает гореть.

— Н-нет… — неуверенно отвечаю и упираюсь спиной в стену. *Твою мать…* — Почему ты не выполнил приказ?

Аристарх упирается ладонью в стену рядом с моей головой. Улыбка ещё держится на губах, но взгляд внезапно становится серьёзнее. *Какого хрена он так смотрит?..*

— Потому что слишком хорошо знаю, что такое, когда за тебя решают. — На секунду в его голосе исчезает привычная насмешка. Серо-голубые глаза становятся холоднее, будто он

смотрит не на меня, а куда-то далеко — в те годы, о которых не собирается рассказывать. — Поверь, катакомбы отлично учат ценить право выбора. Ты можешь идти, куколка.

Катакомбы. Одно слово — и за привычной наглостью словно на мгновение открывается другая дверь. Я знаю о Разгроме достаточно, чтобы понимать общий смысл, но никогда не интересовалась судьбами конкретных метисов. Для меня это были строки в старых отчётах, решения Совета, последствия отменённого закона чистой крови. А для него — детство. Работа. Несвобода. Вдруг становится неприятно от собственной прежней уверенности, что я и без того знаю устройство этого мира лучше большинства.

Так просто?.. Перевожу взгляд с двери на Аристарха и обратно. Выход свободен. Он больше меня не держит. Почему же я всё ещё стою здесь? *Какая же ты падкая на неприятности, Хлоя…*

— Дверь там, — замечает Аристарх.

— Я вижу!

— Тогда почему всё ещё здесь, куколка?

Ответа нет даже у меня самой. Мы знакомы всего пару дней. Я всегда считала случайные связи пустой тратой времени: слишком много лет ушло на работу, слишком долго я привыкала держать желания под контролем. А теперь стою в Красной комнате Аристарха и впервые всерьёз думаю не о том, как быстрее уйти, а о том, почему не ухожу. *А что, если моё время действительно настало?..*

— Если Стелла спросит, наказание ты получила.

— Предлагаешь мне солгать? — удивлённо вскидываю бровь.

— Правой руке Ареса? — Аристарх расплывается в фирменной ухмылке. — Никогда бы не посмел.

Проскальзываю под его рукой и всё-таки направляюсь к выходу. Нет, Хлоя. Достаточно на сегодня. Он отпустил тебя — пользуйся шансом. Аристарх ничего толком обо мне не знает, но одним взглядом и парой фраз умудряется заставить сомневаться в установках, которые я выстраивала тысячелетиями. Это уже начинает раздражать сильнее его «куколки».

Разрезаю воздух ладонью и открываю портал. На секунду возникает соблазн представить Ад вместо Академии. Родные, до боли наскучившие улицы, дворцовые коридоры Ареса, Зал Осуждения — всего один шаг. Пробую. Перламутровая пучина послушно раскрывается, но выводит меня всё равно во внутренний двор Академии. Конечно. Стелла не настолько глупа, чтобы оставить мне прямую дорогу домой.

Несколько мгновений стою посреди двора и не двигаюсь. Академия шумит где-то вокруг меня своей обычной жизнью: в дальней галерее кто-то спорит, со стороны тренировочного корпуса доносится звон оружия, ветер несёт с берега солоноватую прохладу. За арками мелькают ученики, которым совершенно нет дела до того, что ещё вчера я принимала решения за сотни чужих судеб. Здесь мой титул никого не заставляет расступаться. Странно, но именно это одновремен-

но оскорбляет и… облегчает.

Двор почти опустел. Солнце уже клонится к горизонту, золотя верхушки башен и дальнюю полоску воды у каменистого берега. Несколько учеников отрабатывают навыки на тренировочной площадке. Значит, прошло куда больше времени, чем мне казалось. Люцифер выиграл — это я видела собственными глазами, — а значит, свободу получила и Сара Томлинсон. Сейчас меня волнует только одно: Майли. Срываюсь с места и бегу к госпиталю.

В холле меня встречают двое пожилых ангелов-целителей. Койка, на которой лежала Майли, пуста. Сердце неприятно дёргается, хотя разум тут же подсказывает: если её нет здесь, возможно, это хороший знак.

— Я пришла за сестрой, сэр, — обращаюсь к одному из серафимов. — Майли Маммон.

Серафимы переглядываются — не испуганно, скорее удивлённо. Кареглазый первым отвечает:

— Вы немного опоздали, мисс. Её выписали несколько часов назад.

— Несколько часов назад?..

— Да. Яд плюща подействовал быстро, но так же быстро начал отступать. Чувствительность восстановилась, угрозы больше нет.

Несколько часов. Я думала, после госпиталя прошло совсем немного времени, а успела потерять добрую половину дня. Белый шум снова подкрадывается к сознанию, но те-

перь уже от злости. Сколько именно я проспала после способности Аристарха? *И почему никто не пришёл меня искать?* Хотя Стелла, скорее всего, прекрасно знала, кому поручила моё «наказание». А вот Майли… она точно не могла просто забыть обо мне.

— Спасибо, — выдыхаю и выхожу из госпиталя.

Рассказывать серафимам о Красной комнате нет никакого смысла. Да и что я скажу? «Меня усыпил метис, притащил в своё тайное логово, а потом отпустил, потому что решил не выполнять приказ директрисы»? Звучит как начало очень плохой шутки. Сначала найду Майли. Потом разберусь со всем остальным.

Миную лестничные пролёты и в который раз понимаю, насколько плохо ориентируюсь в Академии. Где искать сестру? В её комнате? У Кристиана? Где вообще живёт Кристиан? Иду по длинному коридору, разглядывая одинаковые двери, пока одна из них внезапно распахивается прямо перед моим лицом. Удар приходится в лоб. *Твою мать…*

— Святые угодники! — рыжеволосый парень успевает поймать меня за локоть. У него светлая кожа, вьющиеся медно-рыжие волосы и живые глаза бессмертного, которому неприятности обычно кажутся неплохим развлечением. За спиной сложены тёмные крылья. — Я тебя чуть не убил!

Тру ушибленное место, уже представляя завтрашнюю шишку. Пусть она станет самой большой моей проблемой. Из комнаты доносится женский голос:

— Том, ты либо закрой дверь с той стороны, либо зайди нормально! Сквозняк же!

Рыжий парень виновато кривит губы и, всё ещё придерживая меня за локоть, затягивает внутрь. *Да что за день: из одной комнаты в другую.* Но возмущение исчезает, как только я вижу знакомый силуэт.

— Хлоя! — Майли срывается с места и бросается ко мне. — Ты где пропадала, твою мать?! Я тебя несколько часов ищу! Родителям уже сообщила — завтра поутру будут здесь.

Она отстраняется всего на ладонь, а я продолжаю держать её за плечи и разглядывать, словно должна лично убедиться, что яд не оставил следов. Цвет лица нормальный, дыхание ровное, пальцы двигаются. Только в глазах ещё осталась усталость. Майли фыркает, но терпит мой осмотр. Наверное, знает: сейчас спорить со мной бесполезно.

Не знаю, какая новость бьёт сильнее: Майли действительно подняла тревогу или завтра мне предстоит объясняться ещё и с родителями. Хватаю сестру за запястья и всматриваюсь в неё. Живая. Здоровая. И только после этого меня окончательно накрывает злость на всё произошедшее.

— С твоим будущим родственником! — саркастично процеживаю сквозь зубы.

— О-о-о… — Том с предвкушением потирает ладони.

Майли обрывает его одним взглядом:

— Заткнись!

Майли уже открывает рот для ответной колкости, но до

меня доносится отчётливый запах сигарет.

— Отец будет очень счастлив, когда узнает, чем его младшая дочь занимается здесь…

— Ты не посмеешь! — шипит сестра, угрожающе тыкая в меня пальцем.

Ещё как посмею, дорогая. Курение — удел слабых, но кто я такая, чтобы выбирать за Майли? Это её жизнь. Видимо, моё выражение лица становится слишком мрачным: сестра смягчается и приобнимает меня за плечи.

— Налейте ей выпить! — командует Майли, щёлкнув пальцами в сторону ангела и демона, которые с нескрываемым интересом наблюдают за семейной перепалкой.

Мне протягивают украшенный камнями кубок. Тёмное ягодное вино приятно согревает горло и наконец немного успокаивает нервы. Майли достаёт сигарету, зажимает её губами и бесцеремонно подтаскивает мой указательный палец к кончику. Закатываю глаза, но всё же даю маленькую искру. Востребованный навык, особенно если рядом курит младшая сестра. Она затягивается, выдыхает дым в открытое окно и стряхивает пепел в стеклянную чашу.

— Расскажи мне всё, Хлоя.

И я рассказываю. Про состязание, лабиринт, Майли в облаке ядовитого пара, Дени, который остался с ней, и Аристарха, отнявшего у меня победу у самого финиша. Потом — про госпиталь, его внезапное появление и Красную комнату. О том, как он усыпил меня, зачем притащил туда и почему

в итоге отпустил. На последних словах Майли смотрит так, будто я только что сообщила о конце света. Рыжий демон и сидящий рядом ангел придвигаются ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.